

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭВОЛЮЦИИ
СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
НА ТРАНСТИХООКЕАНСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Ответственные редакторы
В.В. Михеев,
В.Г. Швыдко

Москва
ИМЭМО РАН
2014

УДК 327(5)
ББК 66.4(5)
Проб 781

Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений»
основана в 2009 году

Рецензент – д.и.н. С.Г. Лузянин

Проб 782

Проблемы и перспективы эволюции системы международной безопасности на транстихоокеанском пространстве. Отв. ред. – В.В. Михеев, В.Г. Швыдко. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. – 76 с.

ISBN 978-5-9535-0421-8

Сборник работ специалистов в области международных отношений и связанных с ними экономических и правовых проблем тихоокеанского региона посвящен вопросам укрепления безопасности и стабильности в этой части мира. Анализируются причины и следствия проблем, находящихся сегодня в фокусе международного внимания, а также возможные пути их решения для ослабления напряженности в отношениях между странами региона.

Problems and prospects of the evolution of the Transpacific international security system. V.V. Mikheev, V.G. Shvydko, eds. – Moscow, IMEMO RAN, 2014. – 76 p.
ISBN 978-5-9535-0421-8

Collection of papers written by experts in international relations and related economic and legal problems of the Pacific focuses on issues related to security and stability in this part of the world. Authors analyze causes and consequences of problems, which attract attention of the countries of the region, as well as possible solutions to alleviate tensions between them.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0421-8

© ИМЭМО РАН, 2014

Оглавление

БЕЗОПАСНОСТЬ И СОТРУДНИЧЕСТВО НА ТРАНСТИХООКЕАНСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ВОЗМОЖНОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ НОВЫХ ПОДХОДОВ (В.В. МИХЕЕВ, В.Г. ШВЫДКО, Е.А. КЛЮЕВА).....	4
МЕХАНИЗМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ (А.Н. ФЕДОРОВСКИЙ).....	17
КИТАЙ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ (С.А. ЛУКОНИН)	23
ПРОБЛЕМЫ ЯПОНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ (К.Р. ВОДА)	29
РОССИЙСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ТИХООКЕАНСКОМ КОНТЕКСТЕ (К.Р. ВОДА, В.Г. ШВЫДКО)	41
АСЕАН, ПРОБЛЕМА ЮЖНО-КИТАЙСКОГО МОРЯ И ПОВОРОТ РОССИИ В АЗИЮ (Е.А. КАНАЕВ).....	49
БУДУЩЕЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ С АТЭС (А.Н. ФЕДОРОВСКИЙ)	60
АРКТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ БЕЗОПАСНОСТИ ТИХООКЕАНСКОЙ АЗИИ (Е.О. ЛАБЕЦКАЯ).....	66

Безопасность и сотрудничество на транстихоокеанском пространстве: возможность и необходимость новых подходов

В.В. Михеев, В.Г. Швыдко, Е.А. Ключева¹

В последнее время настоящее и будущее **транстихоокеанского пространства**² привлекает особое внимание исследователей и экспертов по всему миру.

Прежде всего, это связано с ростом значимости этого региона в контексте мировой экономики и международной торговли. Его доля в мировом ВВП и экспорте заметно и устойчиво растет. В регионе присутствуют и активно взаимодействуют между собой три крупнейших экономики мира. Здесь расположены наиболее динамично развивающиеся сегменты глобального хозяйства, его «промышленные цеха». Увеличивается значение региона как своего рода мировой «фабрики инноваций». Сюда смещается центр инвестиционной активности промышленных корпораций, быстро наращивают свой инвестиционный потенциал региональные ТНК. Международные финансовые центры региона усиливают свое влияние на функционирование глобальных финансовых рынков.

Растет внимание к этому региону и с точки зрения решения проблем глобальной политики, включая многочисленные вопросы обеспечения международной безопасности. Помимо экологического, информационно-коммуникационного и иных сравнительно новых ее аспектов, этот регион приобретает критически важное значение и для международной безопасности в ее традиционном понимании, то есть для предотвращения вооруженных конфликтов и ограничения военной активности, повышения роли международных институтов в координации политики национальных правительств, а также для создания условий для устойчивого экономического роста, в том числе через развитие экономической интеграции. При этом вопросы безопасности в этом регионе в растущей степени приобретают глобальное звучание, привлекая внимание всех важнейших игроков на мировой политической сцене.

Сегодня в этом регионе развернулась активная дипломатическая и политическая работа по созданию условий для интеграционных процессов. Интенсифицируется региональный диалог в рамках работы форума АТЭС –

¹ *Михеев Василий Васильевич, чл.-корр. РАН, зам. директора ИМЭМО РАН; Швыдко Виталий Григорьевич, к.э.н., зав. сектором ИМЭМО РАН; Ключева Евгения Александровна, зав. отделом ИМЭМО РАН.*

² Под этим термином мы понимаем геополитическое и геоэкономическое пространство от Тихоокеанской Азии до Северной Америки, включающее в себя США, Китай, Японию, Южную и Северную Корею, АСЕАН и Россию. Отдавая себе отчет в известной условности такого определения, мы тем не менее считаем его оправданным и продуктивным, так как оно позволяет нам вычлнить главных акторов сложной картины политических, экономических, а также социальных и идеологических процессов, определяющих будущий облик всего тихоокеанского региона, включая и те его части, которые не попали в сферу нашего внимания.

наиболее представительного международного формата на транстихоокеанском пространстве, на базе которого более двадцати правительств стран и территорий бассейна Тихого океана координируют свои позиции по проблемным моментам торгово-инвестиционных связей, а в последнее время – и по вопросам безопасности в этом регионе. Одновременно здесь с той или иной степенью продуктивности функционирует не меньше десятка более узких форматов международного диалога и координации усилий по снижению существующих барьеров и стимулированию двустороннего и многостороннего торгового и инвестиционного сотрудничества.

Регион приобретает все большую значимость как перспективный деловой партнер для России. Растет предъявляемый им спрос на энергетические ресурсы и новые технологические решения в сфере потребления и производства энергии. Увеличивается объем потребления металлов и изделий из них, других видов ресурсов и продуктов их переработки. Регион становится все более весомой частью мировых продовольственных рынков, к которым начинают проявлять интерес российский бизнес.

Все сказанное обуславливает и рост внимания к этому региону со стороны российского государства и общественности. Правительство разработало планы интенсификации своего участия во всех сферах региональной активности, включая новые инициативы в области экономического сотрудничества и международной безопасности.

Это выразилось как в дипломатической работе, нацеленной на решение проблем безопасности и сотрудничества в регионе, так и в деловой деятельности присутствующих здесь российских предприятий и организаций. В частности, растет активность России в работе многочисленных рабочих структур форума АТЭС. В рамках Восточноазиатского саммита по инициативе и при активном участии России идет разработка коллективных документов, определяющих принципы укрепления сотрудничества в обеспечении безопасности в АТР. Российские крупнейшие корпорации увеличивают свою активность в освоении энергетических ресурсов и торговли энергоносителями в этом регионе.

Дополнительный толчок поиску новых партнеров и форм взаимодействия в этом регионе дали нарастающие трудности в выстраивании отношений России с ее традиционными партнерами в Европе как в экономической сфере (прежде всего, их стремление снизить свою зависимость от импорта российского газа и противодействие попыткам «Газпрома» расширить своё присутствие на европейских энергетических рынках), так и в политической области. Тема «поворота России на Восток» из политического лозунга превратилась в проявление актуальной экономической необходимости выхода на новые рынки сбыта для дополнения и частичного замещения старых, а также поиска новых партнеров для реализации внешнеполитических задач и целей. События 2014 г. с очевидностью актуализировали эту задачу для российского правительства и руководства крупнейших государственных корпораций.

С другой стороны, в самом регионе годичное председательство России в Форуме Азиатско-тихоокеанского сотрудничества (АТЭС) и проведение саммита этой организации во Владивостоке в сентябре 2012 г. уже в тот период были восприняты как сигнал, обозначающий стремление России играть более заметную роль на тихоокеанском пространстве. Сегодня в регионе имеются определенные ожидания интенсификации усилий России в этом направлении, в том числе более

активного выдвижения ею различного рода предложений и инициатив, а также их пропаганды и продвижения на региональных площадках и форумах.

На фоне всего вышесказанного актуализируются вопросы безопасности в этом регионе, в том числе необходимость поиска адекватных ответов на возникающие здесь новые угрозы и вызовы, а также на серьезные трансформации, в том числе сущностного характера, природы и масштабов прежних угроз под влиянием новых реалий и обстоятельств.

Новый взгляд на угрозы и вызовы безопасности в регионе

Рассматривая ***угрозы и вызовы***, стоящие перед государствами региона в сфере безопасности, невозможно обойтись без констатации следующих принципиальных моментов.

Во-первых, при всех сложностях, конфликтах и трениях, имеющих место на этом пространстве, сегодня **нет реальных причин для прямой военной конфронтации** между основными региональными державами, к числу которых можно отнести США, Китай, Японию и Россию. Как бы ни были остры существующие между ними противоречия, они не являются достаточным основанием для того, чтобы допустить их перерастание в тотальную конфронтацию, не останавливающуюся перед использованием вооруженной силы.

Во-вторых, главной долгосрочной угрозой безопасности в регионе является возможность нарастания здесь неконтролируемой гонки вооружений, в том числе ядерных, а также распространения в регионе ядерного оружия. При том, что большинство стран региона видит гарантии своей будущей безопасности именно в увеличении масштаба собственных военных усилий и их качественном наращивании (в частности, в техническом совершенствовании, а также в использовании ядерной компоненты вооружений), результатом такой политики становится выходящая из-под контроля опасная конкуренция военно-силовых потенциалов, в долгосрочном плане превращающаяся в главную угрозу миру и стабильности в этом регионе.

В-третьих, главными ***текущими угрозами*** безопасности в регионе являются становятся непрекращающиеся территориальные споры и неурегулированность ситуации вокруг Северной Кореи, способная спровоцировать локальный вооруженный конфликт с далеко идущими региональными и даже глобальными последствиями.

Так, результатом обострения хотя бы части из имеющихся в этом регионе территориальных споров может стать возникновение очагов повышенной напряженности, резкое снижение уровня взаимного доверия, интенсификация гонки вооружений, торможение развития экономических, политических и культурных связей между государствами и даже их временное ограничение или сворачивание.

Для предотвращения такого сценария необходима новая парадигма коллективных действий, которая основывалась бы на логике глобализации и растущей взаимозависимости государств региона. Становится все более очевидным, что прежние подходы к разногласиям по территориальным вопросам не способны не только разрешить сопутствующие им сложные конфликты, но даже «заморозить» их с целью недопущения перерастания в более острую или открытую фазу.

В-четвертых, относительно и абсолютно растет значимость **нетрадиционных угроз международной безопасности**, а именно:

- национальной и международной организованной преступности в странах региона, включая террористическую активность;
- угроз нарушения условий свободного и безопасного использования транспортных путей и коммуникаций, что ведет к неоправданному и опасному росту соответствующих рисков и издержек;
- угроз информационным сетям, исходящих от специализированных групп, выполняющих криминальные или диверсионные задачи;
- техногенных и стихийных бедствий, имеющих своим последствием гуманитарные катастрофы регионального масштаба,
- нарушения экологических балансов, нанесения непоправимого ущерба биологическому разнообразию и т.п.

В отношении названных нетрадиционных угроз безопасности, помимо роста масштабов и интенсивности соответствующих угроз, серьезной проблемой также становится отсутствие в регионе многосторонних форматов, механизмов и средств международного реагирования, которые были бы адекватны их новым параметрам.

В-пятых, растет значимость **экономических аспектов** международной безопасности как на глобальном, так и на региональном уровне. В частности, неснижающаяся вероятность обращения ведущих стран региона к протекционистским и дискриминационным практикам в торговой, инвестиционной политике и в сфере передачи технологий воспринимается как существенная актуальная угроза международной безопасности и стабильности.

Такой же характер приобретает и угроза растущего использования различного рода ограничений на экономические обмены в качестве средства решения политических задач. К числу последних, в частности, относятся политически мотивированные экономические санкции, использование хозяйственных рычагов для международного политического давления и шантажа; предоставление торговых и инвестиционных преференций для реализации внешнеполитических задач и др.

В-шестых, объективно и субъективно растет значение **энергетической безопасности** в регионе. Главной угрозой этой безопасности является сохраняющаяся возможность *дестабилизации рынков энергоносителей* и *непредсказуемость изменений цен* на них. Другой угрозой является стремление ряда стран обеспечить свои потребности в энергии и энергоносителях за счет *ограничения доступа к собственным ресурсам и использования недобросовестных практик* (политического влияния, военного давления и т.п.) *для получения монопольного доступа к таким ресурсам за рубежом*. Сравнительно новым, но потенциально весьма опасным явлением в этой является также *недобросовестное манипулирование общественным мнением и деятельностью гражданских организаций* с целью блокировать использование одних видов энергии и предоставить искусственные преимущества другим ее видам.

Дисбалансы и противоречия в регионе как фон и источник угроз безопасности

На наш взгляд, одним из принципиальных моментов нового подхода к анализу и решению проблем международной безопасности и сотрудничества в регионе (равно как и соответствующих проблем на глобальном уровне) могло бы стать их видение в качестве отражения существующих здесь *крупных дисбалансов и сопутствующих им противоречий* как фактора, порождающего или усиливающего соответствующие угрозы. В качестве наглядных примеров, в частности, можно привести следующие:

- Дисбаланс (противоречие) между «блоковым» подходом к обеспечению военно-политической безопасности в международных отношениях и реалиями динамичного полицентричного и глобализированного мира.

Действительно, на тихоокеанском пространстве сохраняются военно-политические альянсы США с Японией и Южной Кореей при отсутствии аналогов со стороны России и де-факто отмирающего, хотя де-юре и сохраняющегося аналога со стороны Китая (Договор безопасности между Китаем и Северной Кореей).

Одновременно происходит очевидный сдвиг в общественном сознании, отражающий откровенную архаичность и неадекватность метода строительства и поддержания отдельных военно-политических блоков как универсального средства обеспечения международной безопасности в условиях, когда потребности стран региона в этом «благе» становятся чрезвычайно изменчивыми, диверсифицированными и многовариантными. Неадекватность «блокового» метода складывающейся новой ситуации в возрастающей мере начинает осознаваться и самими участниками существующих военно-политических альянсов, хотя это и ведет пока не к их демонтажу, а скорее, к попыткам реформировать их содержание с целью его адаптации к условиям большей полицентричности и взаимозависимости в регионе.

- Дисбаланс в структуре ценностных ориентиров и идеологических постулатов, распространенных в обществах различных стран региона.

Так, сегодня сохраняются существенные расхождения во взглядах правящих элит стран региона на сущность демократии и пути ее реализации и развития; в их оценке источников, характера и иерархии внутренних и внешних угроз. Этот дисбаланс, например, порождает острое противоречие между стремлением США и других стран, принадлежащих к коллективному Западу, обеспечить идеологическое и институциональное единообразие в регионе, с одной стороны, и стремлением ряда стран, в частности Китая и России, обезопасить себя от попыток внешнего вмешательства в их внутривнутриполитическую ситуацию – с другой.

Данный дисбаланс проявляется также в различном подходе региональных государств к определению масштабов и характера их взаимодействия с США, к степени охвата этим взаимодействием сфер политики, экономики, безопасности и культуры.

- Дисбалансы в ранжировании общих угроз безопасности по степени их остроты и актуальности в восприятии их

национальными элитами (политическим классом) различных стран этого региона.

Признавая наличие тех или иных общих угроз или вызовов безопасности, официальные структуры в тех или иных странах-игроках на транстихоокеанском пространстве, равно как и политический класс в каждой из этих стран, по-разному воспринимают степень тяжести или остроты соответствующих угроз и стоящих за ними факторов и, соответственно, по-разному выстраивают приоритеты своей политики в области международной безопасности и внешней политики в целом. Именно эти дисбалансы часто становятся камнем преткновения и тормозом на пути выработки коллективных ответов на существующие угрозы, равно как и для выработки мер по снижению напряженности, порождаемой теми или иными конкретными факторами.

- Дисбаланс в степени доверия, которое отдельные страны-игроки в силу культурных, исторических и иных факторов испытывают друг к другу, а также к тем или иным двусторонним и многосторонним альянсам и объединениям.

Нельзя не заметить, что именно на транстихоокеанском пространстве, по сравнению со многими другими мировыми регионами, этот дисбаланс проявляется особенно остро, порождая серьезнейшие трудности и проблемы для сотрудничества в различных сферах, включая противодействие актуальным угрозам безопасности.

Более того, за приведенными выше в качестве примеров дисбалансов, имеющих прямое и непосредственное отношение к путям обеспечения безопасности в регионе, стоит ряд дисбалансов социально-экономического развития и международного взаимодействия на транстихоокеанском пространстве, имеющих более общий, фундаментальный и комплексный характер. К таковым, в частности, можно отнести следующие:

- Дисбаланс между иерархией стран по таким критериям, как политическое лидерство, размеры экономики, финансовый и инновационный потенциал, уровень жизни населения.

Иерархия стран региона с точки зрения их относительного веса и значимости по каждому из названных показателей, взятому в качестве критерия, не совпадает и/или приходит в противоречие с их иерархией по другим критериям. Более того, изменения взаимного положения стран региона по одним показателям приходят в противоречие с сохранением прежней иерархии либо с несовпадающим по направленности ее видоизменением по другим.

- Дисбаланс между экономическим развитием стран, находящихся на относительно более низких ступенях экономического и социального развития, повышением уровня доходов и потребления в этих странах, с одной стороны, и темпами модернизации и демократизации их политических систем – с другой.

Практика показывает, что последние, как правило, отстают и не соответствуют достигаемым в этих странах темпам экономического роста и обновления, усложнения национальных экономик как объектов управления, а также роста общественного самосознания производящего класса, его образованности и гражданской зрелости. Данный дисбаланс может проявляться и в форме перекоса противоположной направленности, хотя последний, судя по имеющемуся

историческому опыту, наблюдается относительно редко и, скорее, представляет собой исключение.

- Дисбаланс между объективно развивающимся процессом экономической глобализации и национальными механизмами выработки экономической политики.

Действительно, глобализация снижает эффективность страновых (национальных) инструментов экономического регулирования. В то же время международные, в том числе региональные институты экономического регулирования сформированы лишь частично, их возможности все еще весьма ограничены, а эффективность низка. По мере прогресса глобализации этот дисбаланс приобретает все более острую форму.

- Дисбаланс между темпами глобализации и интернационализации деятельности финансового сектора экономики отдельных стран региона, а также их объединений и групп.

Данный дисбаланс проявляется, в числе прочего, в наличии актуального противоречия между потребностью региона в стабильном функционировании национальных финансовых и денежных систем, с одной стороны, и потребностями финансовой глобализации, диктующими необходимость снятия ограничений на трансграничное перемещение капитальных ресурсов – с другой.

- Противоречие (дисбаланс) между интересами обеспечения ускоренного роста развивающихся экономик и их диверсификации, с одной стороны, и интересами формирования международных производственных систем, оптимизации издержек производства в глобальном масштабе – с другой.

Следствием этого дисбаланса являются заметные, в том числе достаточно масштабные противоречия между интересами региональных транснациональных корпораций, с одной стороны, и пониманием своих национальных интересов правительствами отдельных стран – с другой. Эти противоречия имеют тенденцию выливаться в острые противостояния, нарушающие социально-политическую стабильность в отдельных странах транстихоокеанского пространства и, косвенным образом, региональную стабильность в целом.

- Дисбаланс между экономически эффективным распределением деятельности по обеспечению международного доступа к природным ресурсам региона и стремлением сохранить качество окружающей среды в местах интенсивного освоения этих ресурсов.

Этот дисбаланс становится особенно актуальным по мере роста экологического сознания населения в странах региона, возникновения политически влиятельных гражданских организаций, ставящих перед собой задачи решения экологических проблем и создания в соответствующих странах

- Дисбаланс между растущими энергетическими потребностями региона и темпами увеличения возможностей их удовлетворения, прежде всего стабильного обеспечения региона источниками энергии без нанесения неприемлемого ущерба окружающей среде.

Этот дисбаланс тесно связан с предыдущим, но отражает специфический аспект, связанный с общим ростом энергопотребления в регионе по мере параллельного роста его производственного потенциала и общего объема спроса.

- Несбалансированность глубины интернационализации отдельных экономик.

Это явление непосредственно связано с различиями в степени открытости национальных товарных и финансовых рынков и, как следствие, с различными институциональными условиями и ограничениями для своих и иностранных участников трансграничных связей.

Отсюда – разная степень заинтересованности стран региона в укреплении международных экономических институтов и расширении их функций.

- Наконец, внутри отдельных стран (в Китае, странах-членах АСЕАН) существуют резкие дисбалансы в развитии отдельных районов внутри этих стран.

Эти дисбалансы приводят к крупным перекосам экономического, социального, инфраструктурного, культурного и институционального характера. В результате экономический рост ряда тихоокеанских государств сопровождается крайне неравномерным вовлечением разных районов одной и той же страны в региональные экономические процессы.

Вышеприведенный список дисбалансов и сопровождающих их противоречий, безусловно, не является исчерпывающим. Как в вопросах безопасности, так и в более широком контексте определения движущих сил развития дисбалансы пронизывают всю общественно-экономическую ткань этого обширного региона.

Дисбалансы различаются как по своим субъектам и объектам, так и по масштабам, уровню и иным своим характеристикам. В числе последних, в частности, важно отметить *степень остроты и масштаба вероятных последствий*. С этой точки зрения дисбалансы могут сопровождаться последствиями различной степени тяжести и характеризоваться как недестабилизирующие, потенциально или фактически дестабилизирующие, либо, в случае особо серьезного дестабилизирующего эффекта, критические.

Дестабилизирующими дисбалансы становятся в том случае, если они имеют своим непосредственным следствием снижение возможности управляющей системы удерживать контроль над ситуацией и скачкообразную эскалацию нестабильности, в том числе в результате действия мультиплицирующих факторов.

В случае превращения того или иного дисбаланса в критический он с неизбежностью снимает порождаемые им противоречия через общий кризис и сущностное изменение свойств системы, в рамках которой он возник и развивался.

Интеграционные процессы на тихоокеанском пространстве и проблемы безопасности

Характерной особенностью транстихоокеанского пространства (в данном нами определении) является также активное протекание на нем **интеграционных процессов**, прежде всего в сфере экономики и бизнеса.

Движение в сторону *экономической интеграции* в тихоокеанском регионе является частью общего процесса интернационализации деловой активности и интенсификации трансграничных хозяйственных связей и зависимостей в современном мире, т.е. процесса *экономической глобализации*.

В силу ряда причин этот процесс в последние десятилетия заметно ускорился, что отражается в сознании и поведении экономических и политических элит как в развитых странах, являющихся главной движущей силой и доминантой мировой экономики, так и в развивающихся государствах. Попытки поставить заслон на пути движения к интегрированной глобальной экономике в возрастающей степени осознаются как бессмысленные и становятся уделом маргинальных общественных групп и организаций. С высокой степенью вероятности можно прогнозировать *дальнейшую активизацию* усилий правительств стран региона для организации и упорядочения процессов хозяйственной интеграции в этом регионе.

Естественно, развитие процессов глобализации не является линейным: в краткосрочном плане возможны периоды замедления роста международной торговли, фактического увеличения препятствий для свободного трансграничного движения товарных потоков, капиталов и рабочей силы. Однако в долгосрочной перспективе ожидаемая новая волна глобализации, скорее всего, приведет к активизации международного товарного обмена на более глубоком уровне специализации производства с большой интеллектуальной составляющей. Помимо общего влияния технического прогресса этому также будет способствовать, в частности, прогнозируемое повышение надежности охраны прав интеллектуальной собственности, прежде всего, прав на товарные знаки и технологии (в том числе виртуальные), принадлежащие транснациональным корпорациям и их группам. Более жесткая защита этих прав в результате организуемого крупнейшими корпорациями политического давления будет способствовать расширению их присутствия на зарубежных рынках и дальнейшей интернационализации (транснационализации) их деятельности.

При этом характерно, что на транстихоокеанском пространстве процессы экономической интеграции происходят в *разноформатном и разноскоростном* варианте.

Первая характеристика означает наличие и одновременное развитие различных интеграционных форматов, наряду с работой форума Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), охватывающего практически все страны региона. Так, попытки зафиксировать преференциальные отношения в торговой и инвестиционной сферах предпринимались или предпринимаются одновременно рамках Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), в форматах «АСЕАН+Китай» (зона свободной торговли АСЕАН–КНР, официально существующая с 2010 г.), «АСЕАН+3» (АСЕАН плюс «тройка» в составе Японии, Южной Кореи и КНР), «АСЕАН+6» (страны Ассоциации плюс Австралия, Новая Зеландия, Китай, Индия, Республика Корея и Япония), т.н. «Регионального всеобъемлющего экономического партнерства» (РВЭП, или *RCEP* в английской аббревиатуре). Идут трехсторонние консультации по созданию многосторонней зоны свободной торговли между Японией, Южной Кореей и КНР («СВА-3») и одновременно – переговоры десяти стран региона о создании т.н. «Транстихоокеанского стратегического экономического партнерства» (англ. *ТТР*).

Параллельно ведущие страны региона подписали большое количество двусторонних соглашений, предусматривающих взаимные преференции в торгово-

экономической сфере – соглашений «о свободной торговле» (free trade agreements, или FTA), «об экономическом партнерстве» (economic partnership agreements, EPA) и т.п.

Вторая из названных характеристик означает, что интеграционные мероприятия проходят с разной скоростью в зависимости от формата интеграционной группировки и области конкретных мероприятий. В разноскоростном варианте проходит и либерализация торговых и инвестиционных режимов стран региона – в соответствии с взятыми ими на себя добровольными обязательствами.

Фактически многоформатный и разноскоростной характер означает, что развитие тихоокеанской интеграции сопровождается немалыми трудностями и противоречиями. Национально-государственные интересы продолжают доминировать над интеграционными потребностями. В то же время укрепляется видение того, что *национальные интересы* в наиболее эффективном варианте могут быть реализованы именно *через региональное интеграционное взаимодействие*.

Очевидно, что продвижение экономической интеграции на тихоокеанском пространстве *объективно ведет к обострению некоторых дисбалансов и противоречий* и требует сопровождающих мер, в том числе и на международном уровне, в сферах, затрагиваемых интеграцией и сопряженных с ними.

Более того, в самих интеграционных процессах наблюдается существенный дисбаланс между экономическими и политическими аспектами. Масштабные, разносторонние и динамичные экономические связи не подкреплены адекватными политическими отношениями на фоне низкого уровня доверия, усугубляемого не преодоленным ментальным наследием исторических конфликтов.

Соответственно, будущая архитектура транстихоокеанского пространства безопасности и сотрудничества должна формироваться *с учетом роли интеграции и продвигающих ее институтов*, с тем чтобы интересы безопасности и интеграции находились в отношениях положительной корреляции. Другими словами, система должна быть выстроена и сбалансирована таким образом, чтобы экономическая интеграция способствовала реализации целей создания общего пространства безопасности и сотрудничества (соразвития), а не препятствовала ей через обострение изложенных выше дисбалансов и противоречий.

С другой стороны, меры по укреплению безопасности и стимулированию сотрудничества должны учитывать существующие элементы экономической и институциональной интеграции в регионе, а не противоречить им.

Разное сочетание темпов и характера политических и экономических интеграционных процессов отличает ситуацию в тихоокеанском регионе от процессов, происходивших во второй половине XX века на евроатлантическом пространстве. А именно: западноевропейская интеграция и формирование евроатлантического союза базировались на *близости политических интересов и союзнических отношениях*, связывавших США и Западную Европу. Политическое партнерство и общность оборонной стратегии в рамках НАТО, а также единое культурное пространство, представлявшие собой фундамент евроатлантизма, позволили этим странам подвести черту под прошлым, отказаться от возможных взаимных территориальных претензий и сосредоточить усилия на формировании общих институтов.

В то же время ситуация на тихоокеанском пространстве имеет совершенно иной характер и другой генезис. Формирование здесь общих институтов безопасности и сотрудничества невозможно без предварительного этапа выработки общих интересов и целей, а также согласования стратегических, а порою и мировоззренческих позиций отдельных государств и управляющих ими элит. В частности, это относится к поискам приемлемой для всех границы между оправданной защитой прав человека и «общечеловеческих ценностей» в иностранных юрисдикциях, с одной стороны, и недопустимым вмешательством во внутренние дела других стран – с другой.

Кроме того, международные отношения в регионе отягощены негативным наследием прошлого в виде разногласий по территориальным вопросам (касающихся, прежде всего, островов и акваторий в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях) и несовпадением оценок ряда значимых событий истории XX века. Последние регулярно выливаются в официальные протесты, а в ряде случаев – и в массовые акции под лозунгами, расцениваемыми в странах-соседах как враждебные.

Наконец, в регионе, особенно в его восточноазиатской части, в арсенале политиков в гораздо большей степени, чем на трансатлантическом пространстве, присутствует ярко выраженный национализм как инструмент мобилизации ресурсов для внутреннего развития и противостояния внешним вызовам. Соответственно, любые формы интеграции, связанные с ограничением суверенных прав и возможностей национальных государств, встречают не просто глухое сопротивление, но, скорее, активное неприятие.

В этих условиях приоритет в сближении стран тихоокеанского региона остается за экономикой. Однако медленный прогресс в политическом диалоге, отсутствие соответствующих институциональных структур создают препятствия для развития интеграционных процессов, а также риски усиления дисбалансов в области политики и безопасности.

В существующих условиях любые попытки построить всеохватывающую систему обеспечения безопасности и стабильности в регионе на основе единых для всех государств институтов, руководствующихся при принятии решений принципом консенсуса, как это было сделано в свое время в Западной Европе, будут заведомо обречены на провал. Механизм, основывающийся на принципе равенства суверенных государств и предоставлении всем участникам права вето на любое решение, приведет к функциональному параличу деятельности международных институтов и выхолащиванию ее содержания.

Единственно реалистичным и приемлемым с точки зрения эффективности принципом построения системы региональных институтов может быть только ее *полицентричность* и *иерархичность*, или *полицентричная иерархичность*.

Данный принцип предполагает возможность принимать общие решения на основе согласия между основными игроками на региональной сцене, обладающими наибольшим политическим и экономическим весом при разумном учете позиций и интересов остальных участников многосторонних механизмов. Такой принцип является, по существу, единственным способом координации международных усилий с целью ослабить дестабилизирующее воздействие существующих дисбалансов на стратегическую устойчивость в регионе.

Соответственно, необходима *перестройка деятельности региональных институтов*, способных выполнять функции международного регулирования, на

основе принципа принятия решений *в соответствии с реальным весом и степенью ответственности отдельных участников*. Перспективно также формирование на их основе структуры, способной *согласовывать позиции ключевых игроков* в регионе по конкретным вопросам и решать конфликтные ситуации.

Стратегическая перспектива и фактор «умной силы»

С точки зрения *стратегической перспективы*, наиболее предпочтительным вариантом формирования новой архитектуры безопасности и сотрудничества на трансатлантическом пространстве является создание новых структур, способных обеспечить контроль над состоянием обозначенных выше дисбалансов и противоречий, воспрепятствовать их переходу в категорию дестабилизирующих и критических.

Однако с точки зрения *современного положения* наиболее *реалистичны* идеи сохранения, в основных чертах, *статус-кво* – хотя при этом не исчезают риски превращения политических и экономических дисбалансов в критические с угрозой перерастания в кризис.

Для реального изменения иерархии идей необходим либо масштабный кризис, который вызовет потребность в новых концепциях, либо модернизация распространенной сегодня структуры идеологических, культурных и политических потребностей, на основе которых региональные лидеры формулируют национальные интересы.

Способствовать развитию ситуации по второму, то есть модернизационному сценарию могло бы применение так называемой **«умной силы»**, то есть продуманной тонкой работы среди политически и экономически влиятельных сегментов общества – как в своей стране, так и в странах-партнерах – с целью изменения восприятия тех или иных событий, идей и решений. Несмотря на виртуальный характер такой силы, ее использование может иметь не менее мощный эффект, чем традиционные средства обеспечения безопасности, особенно в долгосрочном плане.

Вместе с тем особенностью сегодняшней ситуации является то, что США как трансатлантическому и тихоокеанскому лидеру сегодня фактически принадлежит монополия на использовании «умной силы». При этом использование «умной силы» идет в направлении, содержащем стратегические риски для мирового сообщества, а именно: усиливаются стандартизация и унификация политического и экономического мышления, право на творческие прорывы признается исключительно или преимущественно за Вашингтоном.

Ответом на этот вызов мировой интеллектуальной ситуации может быть найден в наращивании *полицентричной «умной силы»*. Однако Россия, Китай и многие другие крупные игроки на тихоокеанском пространстве только начинают приближаться к осознанию этого.

В этом смысле концепция новой архитектуры безопасности на тихоокеанском пространстве предполагает не только качественные изменения международных отношений в рассматриваемом регионе, но и определенную революцию в сознании политических элит его ключевых стран, включая и Россию.

На таком фоне важно перераспределить финансовые и интеллектуальные ресурсы, направляемые сегодня на укрепление собственных внешних позиций другими (альтернативными США) региональными центрами силы с наращивания традиционно понимаемой «государственной мощи» (демонстрация военной и экономической силы) в пользу «умной» или «мягкой» силы (продвижение собственных концепций видения миропорядка и глобальной динамики).

В числе прочего, это даст экспертному сообществу дополнительные возможности конструирования новой архитектуры транстихоокеанской безопасности и сотрудничества в интересах стабильности, мира и гармоничного развития в этом регионе.

Механизмы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе

А. Н. Федоровский¹

Политические процессы, проявившиеся в Азиатско-тихоокеанском регионе (АТР) в 2011-14 годы, дают основания говорить о новых вызовах стабильности и региональной безопасности, на которые пока не смогли дать конструктивный ответ ни ведущие региональные державы, ни действующие в этом регионе международные институты.

В связи с этим следует обратить внимание на наблюдающееся проявление двух разнонаправленных векторов развития. Это, с одной стороны, несомненный рост заинтересованности стран региона в повышении качества институтов, призванных содействовать укреплению в Тихоокеанской Азии безопасности и политического диалога в связи с усилением в регионе экономических интеграционных процессов, а с другой – стагнация или даже попятные движения в деятельности этих региональных институтов.

Причины дисбаланса в темпах и характере развития институтов во многом связаны с изменением соотношения политических и экономических сил в этом регионе. В результате затянувшейся экономической стагнации и «погруженности» Японии во внутренние дела, а также сфокусированности американской внешней политики на процессах, протекающих в других регионах – в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке и др. – в Тихоокеанской Азии резко возросло политическое и экономическое влияние КНР, сохраняющей уже более трех десятилетий темпы роста, опережающие среднемировые показатели.

Одновременно свои претензии на роль региональных держав стремятся предъявить такие страны, как Республика Корея, чьи международные амбиции очевидно растут, а также Вьетнам и ряд других государств-членов АСЕАН. В частности, именно в этом контексте следует рассматривать состоявшиеся на «полях» Саммита АТЭС 2013 на индонезийском о. Бали японо-вьетнамские переговоры, в ходе которых стороны выразили обеспокоенность «односторонними попытками изменить статус-кво с помощью силы» и договорились «укреплять двустороннее сотрудничество в области морской безопасности» в свете территориальных конфликтов в прибрежных морях. В данных формулировках просматривается растущая обеспокоенность двух стран последствиями расширения влияния Китая в этом регионе.

Растут экономический потенциал и политические возможности Индии, которые позволяют ей наращивать свою роль в Тихоокеанской Азии, ведя диалог с США по этому кругу вопросов и устанавливая партнерские отношения с членами-АСЕАН и Японией.

Между тем существующие региональные институты до сих пор не смогли адекватно учесть в своей деятельности меняющуюся расстановку сил в АТР.

¹ Федоровский Александр Николаевич, д.э.н., зав. сектором ИМЭМО РАН.

При этом преобладающую роль по-прежнему играет государство, хотя и бизнес восточноазиатских государств все настойчивее предъявляет претензии на то, чтобы играть более важную роль, чем простое участие в экономических проектах. Корпоративный сектор в возрастающей степени выказывает склонность добиваться адекватных условий для своей деятельности в АТР, в том числе юридического и институционального закрепления прав и обязанностей всех заинтересованных сторон – государства, компаний и физических лиц.

В этих условиях бизнес может сыграть конструктивную роль стабилизатора политических процессов, способствуя формированию интегрированных в тихоокеанскую экономику региональных сетей разработки, производства, реализации и потребления продукции, и, одновременно, предотвращая использование политиками крайних мер, угрожающих дестабилизацией международного сотрудничества.

С другой стороны, рост влияния корпоративного сектора несет в себе также и определенные вызовы. Во-первых, рост международного влияния государственных корпораций, прежде всего КНР, дает основания для появления в регионе подозрений относительно скрытой государственной экспансии в экономической сфере.

Кроме того, конкуренция старых «западных» и японских ТНК с новыми ТНК развивающихся экономик также несет в себе, в известной степени, и политическое содержание.

Наконец, разные «весовые категории» корпораций разных стран, а также прямое или косвенное давление на малые и средние компании со стороны крупного бизнеса могут усилить дисбалансы интересов на национальном и региональном уровнях.

В последние годы наметилась тенденция роста внешнеполитической активности неправительственных организаций (НПО), роль которых будет усиливаться, особенно в том, что касается вопросов обеспечения безопасности физических лиц, экологической безопасности, социальных аспектов развития и т.д. Хотя деятельность НПО объективно несет в себе положительный заряд, рост политической активности НПО может вызывать критическое отношение к ним в отдельных странах региона, прежде всего в контексте обсуждения вопросов о суверенности стран АТР, а также разночтений в понимании странами региона содержания понятия прав человека.

Указанные проблемы усугубляет то обстоятельство, что становление экономических интеграционных связей тихоокеанских государств опережает политическое сближение стран региона, в значительной степени ему предшествуя. Кроме того, немаловажно, что страны АТР обладают разным экономическим потенциалом, а также несовпадающими политическими и правовыми системами.

В основе многих существующих в регионе политических разногласий также лежат непреодоленные исторические конфликты и проистекающие из них настроения; наличие существенных расхождений позиций по вопросам развития демократии; в оценке источников, характеров и иерархии внутренних и внешних угроз безопасности.

Между тем в регионе так и не сложились механизмы, обеспечивающие снятие такого рода противоречий через экспертное обсуждение, согласованное истолкование событий, поиск компромиссов и т.д.

В эпицентре новых тенденций в регионе находится Китай, политический курс которого объективно рождает в регионе нетрадиционные вызовы и одновременно открывает новые возможности, прежде всего в сфере экономики и социального развития.

Поэтому особая потребность в институциональном оформлении стремительно выросшего к началу второго десятилетия XXI века экономического, военно-политического и образовательного потенциала Китая придает особую специфику практически всем без исключения региональным процессам.

Экономическая экспансия Китая частично оформлена системой соглашений со странами АТР о свободной торговле, а также членством КНР в АТЭС. Политическая активность Пекина находит свое выражение, в том числе, в диалоге с членами Совета Безопасности ООН по тихоокеанским проблемам и в участии в различных региональных форумах.

Обсуждение вопросов безопасности, наиболее важных для Пекина и его соседей, в наименьшей привязано к каким-либо международным форматам и проходит в рамках двусторонних отношений КНР с другими государствами.

В этих условиях проявляются два прямо противоположных последствия региональной политики Китая – обострение соперничества и активизация сотрудничества.

Первая тенденция в сфере экономической конкуренции проявляется, прежде всего, в напористой предпринимательской активности китайских компаний и поддерживающего их государства. Политическим проявлением этой тенденции стало обострение территориальных споров с Японией и государствами Юго-Восточной Азии.

Отражением противоположной тенденции стало активное стремление Китая предложить позитивный сценарий возможного регионального сотрудничества. В этом смысле визит председателя КНР Си Цзиньпина в Сеул может служить демонстрацией конструктивного потенциала китайской внешней политики в АТР.

Между тем пока в регионе преобладают негативные тенденции. Так, нерешенность проблем региональной безопасности в условиях постоянно возникающих кризисов в отношениях крупнейших стран региона, прежде всего в треугольнике Япония-Китай-Республика Корея, а также между Китаем и странами АСЕАН не позволяет удовлетворить потребность стран Тихоокеанской Азии в укреплении отношений экономического партнерства. Тем самым под воздействием негативного внешнего фактора разрушается внутренний и региональный потенциал развития.

В условиях, когда характер и перспективы интеграционного сближения стран тихоокеанского региона зависят как от экономических, так и от политических процессов, сохраняющийся дефицит доверия в сфере региональной политики и безопасности становится препятствием развитию национальных экономик и региональных институтов.

При этом проблема усугубляется тем, что универсального механизма обеспечения безопасности в регионе нет – есть лишь универсальный глобальный механизм, опирающийся на решения Совета Безопасности (СБ) ООН. Несмотря на часто встречающуюся низкую оценку эффективности этой международной организации, существуют положительные примеры международного сотрудничества под эгидой ООН. Например, именно при поддержке СБ региональной «пятерке»

(США, КНР, Япония, РФ и РК) удалось продемонстрировать возможность принятия согласованных мер, направленных против реализации ракетно-ядерных проектов в Северной Корее. Впрочем, достигнутые договоренности не были надлежащим образом развиты и дополнены, что в немалой степени объясняется отсутствием механизмов реализации на региональном уровне принятых «пятеркой» решений.

Зато на региональном уровне есть механизмы, доставшиеся в наследство от холодной войны, в частности, военные альянсы США–Япония, США – Республика Корея, Китай – КНДР. При этом США предпринимают попытки вдохнуть новую жизнь в старые политические схемы.

Возвращение США в АТР (или, иначе говоря, «перебалансировка» американской политики на тихоокеанском направлении) на практике в политической сфере вылилось в обсуждение идеи формирования тройственного оборонного альянса Вашингтон – Токио – Сеул, а в военной сфере – в стремление разместить в Южной Корее ракетную систему THAAD (*Terminal High-Altitude Area Defense*).

США аргументируют необходимость размещения дополнительных ракетных систем в Восточной Азии, в том числе на Корейском полуострове, потребностью противостоять ракетной угрозе со стороны Северной Кореи. Между тем Южная Корея сдержанно относится к перспективе размещения на своей территории системы THAAD, поскольку данное решение может быть воспринято негативно КНР и Россией, тогда как Сеул отводит Пекину и Москве важное место в своей внешнеполитической стратегии. Заместитель председателя Объединенного комитета начальников штабов США адмирал Джеймс Уинфелд, выступая в Вашингтоне на заседании Форума по вопросам безопасности Атлантического Совета, предложил разместить в Южной Корее упомянутые выше ракетные системы.²

Важно отметить и другой аспект возможного размещения THAAD. Предлагаемые меры подразумевают активизацию союзнических отношений США с Японией и Южной Кореей. Более того, на экспертном уровне обсуждается необходимость трехстороннего альянса между Вашингтоном, Токио и Сеулом. А это уже, по сути, союз, направленный на сдерживание Китая.³ В случае, если озвучиваемое американскими экспертами предложение будет реализовано, возникнут все основания ожидать усиления напряженности в отношениях КНР с США, а также с Японией и Республикой Корея. В частности, Китай может пойти на активизацию практически «замороженного» сейчас китайско-северокорейского альянса, что, в свою очередь, способно осложнить военно-политическую ситуацию на Корейском полуострове и, в конечном итоге, негативно сказаться на проблеме региональной безопасности и перспективах объединения Кореи.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что на официальном уровне США пока не предложили какого-либо законченного формата военно-политической стратегии. Визит президента Б. Обамы в страны Восточной Азии, хотя и подтвердил традиционные предпочтения американской дипломатии, не дал адекватного представления о конкретных путях решения актуальных региональных проблем безопасности, в том числе проблем межкорейских отношений.

Проводимая администрацией Обамы политика изоляции КНДР при одновременном сдерживании Китая и использования его влияния при решении

² US considers more MD assets in Asia-Pacific. [www/koreaherald.com](http://www.koreaherald.com) 30.05.2014.

³ Washington Considers Missile-Defense System in South Korea. On line. wsj.com 27.05.2014.

конкретных внешнеполитических задач, дополнен курсом на изоляцию России, к реализации которого подключается и Япония.

В то же время Южная Корея, сохраняя стратегическую лояльность США, не готова к участию в военных проектах, вызывающих недовольство Китая и изолирующих Россию.

В свою очередь Китай в ответ на обвинения, что его действия в отношении решения вопросов принадлежности спорных территорий вызывают озабоченность стран региона, выдвигает идею решения проблем безопасности за счет совместных усилий исключительно азиатских государств, т.е. проведения соответствующих переговоров без участия США, что едва ли будет поддержано восточноазиатскими государствами, включая членов АСЕАН.

К прочим существующим механизмам обеспечения региональной безопасности можно отнести сложившиеся в регионе *форматы многосторонних диалогов*, такие как Восточноазиатский саммит и Региональный Форум АСЕАН. Данные *форматы* способствовали укреплению международных контактов и сделали регулярными консультации по актуальным проблемам АТР на высоком политическом уровне. Вместе с тем возможности этих региональных институтов не всегда отвечают потребностям сотрудничества тихоокеанских стран в сфере безопасности и экономического развития, поскольку направления решения региональных территориальных и других сложных межгосударственных проблем пока даже не очерчены.

Одновременно в последние годы другие региональные институты, такие как *«шестисторонние переговоры»* по проблемам Корейского полуострова оказались в *замороженном состоянии*. После выхода из этих переговоров Северной Кореи другие пять государств (Республика Корея, Китай, США, Япония и Россия) так и не смогли прийти к взаимопониманию относительно необходимости дальнейших консультаций о будущем Корейского полуострова, а также о возможном формате переговорного процесса. В итоге стороны так и не приступили к обсуждению возможных механизмов поддержания сотрудничества и обеспечения безопасности на Корейском полуострове.

Сказанное позволяет более реалистично относиться к предложениям о создании в ближайшей перспективе (будь то в АТР или в Тихоокеанской Азии) общерегиональной системы безопасности. С точки зрения поиска фундаментальных путей преодоления военно-политических проблем формирование соответствующих региональных правовых механизмов и институтов является объективной необходимостью. Вместе с тем в обозримой перспективе, видимо, трудно рассчитывать на решение проблем безопасности в АТР на региональном уровне, как это происходило в Европе в XX веке (по типу Хельсинского совещания). Не отказываясь целиком от этой перспективы, стоило бы рассмотреть возможность продвигаться к поставленной цели поэтапно, используя тактику малых шагов.

Если согласиться с таким подходом, то реальные механизмы международного сотрудничества могут быть разработаны и предложены для решения отдельных частных политических задач. Например, перспективным направлением может стать решение проблем безопасности на Корейском полуострове.

В связи с этим необходимо отметить ряд политических тенденций и инициатив, способных позитивно сказаться на региональном сотрудничестве как в сфере экономики, так и в области безопасности.

Речь идет об инициативах южнокорейского президента Пак Кын Хе, которые она выдвинула на протяжении 2013-14 годов. В этих инициативах можно отметить несколько важных черт:

- во-первых, это демонстрация Сеулом в сложившихся в АТР международных условиях растущих амбиций и расширяющихся возможностей «средних» государств;
- во-вторых, это новое отношение к объединению Кореи, как к сложной, но конкретной политической и экономической задаче, которую предстоит решать в не в столь уж отдаленном будущем. По крайней мере, Сеул исходит из необходимости быть к этому готовым.

Само только преддверие объединения Кореи создает предпосылки для качественно новой региональной политики, что демонстрирует своими инициативами президент Пак Кын Хе.

В связи с этим прежде всего следует упомянуть выдвинутую президентом Пак Кын Хе идею «евразийской инициативы». Заявленная Южной Кореей цель состоит в развитии «евразийского вектора» внешней политики страны, что призвано способствовать активному укреплению политических и экономических отношений РК с государствами Евразии, включая Монголию и страны Центральной Азии. Вместе с тем сердцевиной евразийской инициативы представляется укрепление отношений Республики Кореи с Китаем и Россией, которое имеет экономический, политический и в значительной мере стратегический аспект, поскольку затрагивает проблему обеспечения национальной безопасности и создания благоприятных условий для объединения Кореи.

Другой принципиально важной инициативой представляется курс администрации Пак Кын Хе на реализацию так называемой *Trustpolitik*. Тезис о необходимости повышенного внимания к степени доверия во взаимных отношениях, будь то межкорейские отношения или союзнические связи с США, тесное партнерское сотрудничество с Японией или диалог с Китаем и Россией, отвечает актуальной теме избавления от конфронтационного мышления и перевода дискуссий на уровень рабочих обсуждений.

Накопление доверия и отработка механизмов решения проблем, связанных с вопросами объединения Кореи и обеспечения безопасности на Корейском полуострове, могут стать пилотным проектом, накоплением «историй успеха» взаимоотношения стран АТР, что с течением времени позволит соотносить решение частных задач со строительством механизмов и институтов, формирующих систему безопасности на региональном уровне.

Китай и проблемы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе

С.А. Луконин¹

Главным вызовом безопасности в АТР по фактору Китая в ближайшей перспективе, как представляется, станет новая концепция китайской внешней политики, находящаяся сегодня в стадии активной разработки.

Ее основные контуры, однако, просматриваются уже сейчас и могут быть сведены к следующим основным положениям:

- большой прагматизм и жесткость в отстаивании национальных интересов Китая;
- приоритет, отдаваемый выстраиванию нового типа отношений с мировым лидером – США;
- углубление отношений с соседями и потенциальными «балансирами» отношений с США,
- поиск новых форм лидерства Китая в мировых и региональных процессах.

В последние полгода вышеназванные контуры уже проявились в практической политике КНР на международной арене, и прежде всего в АТР.

Новая жесткость выражается в усилившемся давлении на Токио по вопросу о спорных островах и в вопросах трактовки истории двусторонних отношениях, в частности роли «японского милитаризма», в ведении, несмотря на протесты Ханоя, работ по освоению ресурсов углеводородов в районах, контроль над которыми оспаривает Вьетнам.

Прагматизм нашел свое отражение, в частности, в визите главы КНР Си Цзиньпина в Сеул в начале июля 2014 г. перед его поездкой в Пхеньян. Несмотря на жесткую критику со стороны Северной Кореи, этот визит соответствует прагматично понимаемой заинтересованности Пекина в координации с Сеулом его действий по отношению к Северной Корее.

Новый характер отношений с США отразился, в частности, в том, что, несмотря на события, вызвавшие обострение политических отношений Пекина и Вашингтона (это, например, визит Обамы в апреле 2014 г. в Японию, агрессивная перепалка министра обороны США с высокопоставленными китайскими военными чинами на представительной конференции в Сингапуре в конце мая 2014 г. и др.), Китай продолжает курс на выстраивание отношений «нового типа» с США, в том числе в военной сфере. Следуя логике внешнеполитического прагматизма, Пекин предполагает продолжать военные контакты и экономическое сотрудничество с США даже в условиях ухудшения китайско-американских политических отношений. Подтверждением тому стало первое в истории участие ВМС Китая в июне 2014 г. в организованных США международных военно-морских учениях РИМПАК (RIMPAC) – 2014.

¹ Луконин Сергей Александрович, к.э.н., зав. сектором ИМЭМО

Курс на развитие отношений со странами, выступающими в роли **«балансиров» связям с США**, нашел свое выражение, в частности, в проведении китайско-российского саммита в конце мая 2014 г., в китайско-южнокорейском саммите, состоявшемся в начале июля того же года, в китайско-индийской встрече на высшем уровне и визитах Си Цзиньпина в страны Латинской Америки. Эти визиты и встречи можно отнести к главным составляющим внешней политики Пекина последнего времени.

Поиск **новых форм лидерства**, прежде всего, выразился в следующем. Прежнее китайское руководство ограничивало свои лидерские амбиции региональными международными форматами вблизи китайских границ – Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) и шестисторонней группой по проблеме денуклеаризации Корейского полуострова. Однако эти проекты по существу провалились: переговоры в рамках шестисторонней группы прекращены уже более 5 лет назад, а в рамках деятельности ШОС Китаю, во многом из-за противодействия России, не удалось решить свои главные экономические задачи создания региональной зоны свободной торговли.

При новом руководстве Пекин делает еще один заход на попытку сформировать новую международную архитектуру китайского лидерства.

Первое и главное в этом «новом заходе» – мегастратегия формирования «экономического пояса Шелкового пути» и «морского Шелкового пути», нацеленная на создание наземных и морских транспортных коридоров, связывающих Тихий океан с Атлантикой, Средиземноморьем и Индийским океаном, а также создание вдоль этих коридоров новых «зон экономического роста».

Китай не предполагает формирования для реализации этих проектов каких-либо всеобъемлющих многосторонних организационных структур, предлагая участникам гибкую и свободную форму сотрудничества. Лидерство Китая должно проявиться в варианте «лидерства посредством инициатив», а также в готовности инвестировать в капиталоемкие и малопривлекательные для частного бизнеса инфраструктурные проекты, что в последующем должно обеспечить китайскому капиталу более благоприятные условия выхода на рынки соответствующих стран.

Вторым элементом этой стратегии является реанимация старых, почти забытых политических форматов, также достаточно гибких и свободных с точки зрения организационной структуры и взаимных обязательств. Так, в конце мая 2014 г. в Шанхае был проведен саммит Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), на котором Китай пытается представить себя в роли интеллектуального лидера, выдвинув концепцию азиатской безопасности, основанной на взаимодействии самих азиатских стран и на решении проблем региона **только самими азиатскими странами**.

При этом начинают проявляться и новые аспекты трактовки национальной безопасности Китая, связанные с пониманием того обстоятельства, что национальная безопасность связана с региональной и глобальной безопасностью. В качестве новых характеристик можно указать следующие:

Комплексная безопасность. Объединяет в себе все виды традиционных и нетрадиционных угроз, предполагает новые виды деятельности в области поддержания безопасности;

Всеобщая безопасность. Предполагает, что национальная безопасность возможна только при условии, что в ее поддержании участвуют все

заинтересованные стороны (страны с общими границами, региональные и глобальные лидеры и др.);

Безопасность взаимодействия. Безопасность может быть обеспечена только путем взаимодействия различных государственных структур Китая с другими странами;

Устойчивая безопасность. Все участники международных отношений должны создавать необходимые условия для поддержания безопасности.

Третьим элементом нового понимания лидерства является отношение КНР к региональным конфликтам. Пекин нацелен на более активное участие в их разрешении, однако пока лишь ищет «свое слово», которое, согласно представлениям китайского руководства, «должно быть услышано» мировыми лидерами. К концу года позиция Китая по этим проблемам должна проясниться в большей мере.

Четвертым элементом новой стратегии является лидерство во вновь формируемых международных финансовых институтах: инициированном Китаем Азиатском банке инфраструктурных инвестиций и Банке развития БРИКС, которые Пекин стремится развернуть на финансирование инфраструктурных проектов в развивающихся странах в противовес малоэффективным, по мнению китайского руководства, существующим институтам - Всемирному банку и Азиатскому банку развития.

Также необходимо отметить внутренние социально-экономические факторы, которые будут способствовать усилению жесткости Китая в отстаивании своих интересов.

К ним, в частности, относятся:

- новая модель экономики Китая,
- антикоррупционная компания,
- экономические мегапроекты.

Новая модель экономики Китая предполагает сокращение числа и ограничение бюджетов государственных стимулирующих программ, сокращение темпов прироста государственных инвестиций в основной капитал, сокращение доли заемных средств и структурную перестройку экономики.

Эти черты новой экономической модели, наряду с другими, привели к сокращению темпов прироста ВВП Китая и, соответственно, к падению темпов прироста прибыли отдельных китайских компаний на внутреннем рынке.

На данный момент одним из самых существенных негативных факторов является замедление темпов роста рынка недвижимости, на который приходится 16% ВВП страны. При этом в Китае понимают, что во многом именно от объемов инвестиций в строительство и продаж жилой недвижимости зависит достижение планируемых на 2014 г. темпов прироста ВВП в 7,5%.

Так, проведенное в мае 2014 г. обследование показало уменьшение объема реализованной жилой недвижимости в 35 из 70 средних и крупных городов. При этом в 20 городах он остался на прежнем уровне, а в 15 незначительно вырос. В целом по стране доходы от продажи жилой недвижимости в январе-мае 2014 г. сократились на 10% по сравнению с соответствующим периодом 2013 года.

Инвестиции в недвижимость в этот же период сократились на 1,7 проц.п. и составили примерно 490 млрд. долл., а объем продаж земли под застройку сократился на 38%.

Рынок недвижимости в Пекине является своеобразным барометром, характеризующим положение в целом по стране. Так в июне 2014 г. объем проданной недвижимости в Пекине сократился почти на 50% по сравнению с соответствующим периодом 2013 года.

Основные причины сокращения можно разделить на две группы. К традиционным можно отнести политику центральных властей по охлаждению рынка, которую они начали осуществлять еще в 2010 году. Это, в частности, сворачивание льготного ипотечного кредитования (например, банки Пинань, Миньшэн, Гуанфа вообще прекратили выдавать ипотечные кредиты), увеличение первоначального взноса на покупку жилья, выплата повышенных процентов по ипотеке в случае покупки второго жилья, введение 20%-го налога на продажу вторичного жилья, ограничение на приобретение третьего жилья («одна семья – максимум две квартиры»).

К новым факторам можно отнести ожидание запуска государственной программы субсидирования покупки жилья эконом-класса (для предотвращения резкого охлаждения рынка, власти объявили о новой программе субсидирования, из-за чего потенциальные покупатели отложили покупку квартир).

Доходы от продажи столичной земли под застройку во II кв. 2014 г. также сократились на 75%. При этом стоимость одного квадратного метра жилья в Пекине продолжает расти – в среднем на 18% по сравнению с 2013 годом.

Главное негативное последствие охлаждения рынка недвижимости - это падение объема собираемых с девелоперов налогов, за счет которых формируются бюджеты региональных властей (в среднем около 50-55%). Совокупный объем таких налоговых сборов сократился в апреле 2014 г. примерно на 7% по сравнению с соответствующим периодом 2013 года.

Эта ситуация может негативно повлиять на планы региональных властей увеличить в 2014 г. свои доходы на 9%. Далее, это окажет негативное влияние на выполнение региональными властями финансовых обязательств (уровень задолженности региональных властей, кредиты и пр. финансовые инструменты). Также со строительством жилья частными инвесторами увязываются и государственные программы инвестиций в строительство инфраструктуры (авто- и железные дороги, аэропорты).

Определенное негативное влияние охлаждение рынка недвижимости может оказать и на китайские банки – около 20% кредитов выданы девелоперам на строительство, и около 40% - ипотека.

Рынок недвижимости также может потянуть вниз и внутреннее производство, и занятость. На жилищное строительство в значительной мере работают такие важные для формирования ВВП отрасли как китайская цементная, химическая промышленность и производство стали.

В связи с падением темпов прироста прибыли на внутреннем рынке китайские компании будут пытаться компенсировать эти потери за счет усиления внешнеэкономической экспансии. Учитывая, что большая часть китайских инвестиций традиционно осуществляется в АТР, это приведет к усилению корпоративной конкуренции в регионе.

Антикоррупционная компания также привела к сокращению прибыли компаний сектора услуг и развлечений. По некоторым оценкам, в первые шесть месяцев 2014 года падение составило 30%. Уменьшился объем закупок товаров класса «люкс».

Антикоррупционная компания ведет к недовольству, хотя пока и скрытому, части высокопоставленного генералитета и чиновничества.

В публичных выступлениях глава КНР Си Цзиньпин говорит о том, что «Коммунистическая партия Китая должна избегать самоуверенности и осознавать свою слабость», призывает «к трезвости» в оценке положения КПК в обществе.

Главный удар Си сосредотачивает на военных – наиболее коррумпированном элементе китайского общества. Руководство КПК еще в конце 1990-х годов ввело запрет на коммерческую деятельность в китайских вооруженных силах. Однако при более осторожном Ху Цзиньтао партия, в сущности, попустительствовала деятельности «НОАК Корпорэйшн». В армии были широко распространены такие виды «зарабатывания» денег, как сдача армейских земель в аренду коммерческим структурам, «откаты» при распределении армейских госзаказов, покупка военных чинов и должностей, нелегальное строительство элитного жилья для военного руководства, принуждение местных партийных властей к финансированию дорогих армейских банкетов и т.п.

Арест Сюй Цайхоу стал своего рода знаковым моментом во внутриармейских коррупционных чистках. Действуя на упреждение недовольства военных, Си инициирует пропагандистскую кампанию: в китайской военной прессе, начиная с 1 июля, выходят статьи о том, что «армия верна партии», «партия руководит армией», «армия должна быть чистой на руки и надежной для партии» и т.п.

Лишенные дополнительного заработка военные могут потребовать компенсации для подтверждения своего привилегированного статуса, что выразится в усилении военной риторики Китая в АТР.

Что же касается **экономических мегапроектов**, то на данный момент главным из них является, как уже говорилось выше, «экономический пояс Шелкового пути». Единой четко сформулированной концепции экономического пояса до сих пор нет. Вместе с тем есть косвенные признаки, указывающие на ожидаемый географический охват и некоторые социально-экономические характеристики этого проекта.

Участниками проекта, возможно, будут восемнадцать стран – КНР, Индия, Пакистан, Афганистан, страны Центральной Азии, Иран, Египет, Саудовская Аравия, Украина, Белоруссия, страны Восточной Европы, Греция, Германия, вероятно Великобритания. Население стран, которые примут участие в реализации, достигнет 3 млрд. чел. Основу проекта составят инфраструктурные инвестиции с участием китайского капитала, причем на его полную реализацию китайские власти отводят 30-35 лет.

Сутью этого проекта является компенсация сокращения прибыли китайских инфраструктурных компаний на внутреннем рынке и увеличение объема экспорта китайской высокотехнологичной продукции, а также создание нового бренда, под которым будут действовать китайские компании. Осуществление этого проекта также приведет к усилению конкуренции в инфраструктурных отраслях в АТР, в частности в сфере строительства железных дорог (именно эта отрасль выбрана правительством Китая как основная для увеличения экспорта китайских технологий).

Предполагается, что вслед за китайскими железными дорогами в экономику стран-партнеров активно пойдут китайские компании обрабатывающей промышленности и других отраслей (инжиниринг, информационно-коммуникационный бизнес и т.д.).

Во втором квартале 2014 г. состоялись визиты китайских лидеров в Африку, Грецию и Великобританию с целью стимулирования китайского участия в сфере логистики (Греция), а также увеличения объемов высокотехнологичного экспорта из Китая (Великобритания и Африка).

В Кении достигнуты договоренности о строительстве железной дороги из Момбасы в Найроби. В Замбии были подписаны соглашения о расширении кредитной линии, реконструкции аэропорта в г. Лусаке и о предоставлении гранта на улучшение орошения, а также об оказании технической помощи развитию (всего около 64 млн. долл.). В Эфиопии китайские компании будут реконструировать дороги, электросети и внутригородские магистрали.

В Великобритании достигнута договоренность об участии китайских компаний в проектировании, строительстве и обслуживании железной дороги HS2 (от Лондона на север Англии). Другое направление сотрудничества с Лондоном – энергетика как своего рода частичный «балансир» новому газовому соглашению с Россией. Заключено соглашение о долгосрочных поставках сжиженного природного газа, согласно которому, начиная с 2019 года, компания BP будет ежегодно поставлять в КНР до 1,5 млн. т. СПГ.

Китайские компании *China General Nuclear Power Corp.* и *China National Nuclear Corp.* (строительство и управление АЭС) пытаются пробиться на европейский рынок атомной энергетики.

Китайская транспортная экспансия расширяется также на южную часть Европы. Чжучжоуская электровозостроительная компания (*CSR Zhuzhou Electric Locomotive Co., Ltd*), в Македонии подписала контракт о поставке шести скоростных поездов с двигателями внутреннего сгорания. Таким образом, китайские скоростные составы впервые будут поставляться на европейский рынок.

Развивается транспортное сотрудничество с Грецией. Китайская компания COSCO намерена расширить греческий порт Пирей, который рассматривается китайскими властями как «ворота в Европу».

В целом Китай рассчитывает стать своеобразным хабом для экспорта высоких технологий. В 2012 г. расходы на науку составили около 170 млрд. долл. (2% от ВВП), в 2013 г. - 2,05%. Предполагается, что к 2020 г. высокие технологии будут давать около 60% ВВП Китая. Планируемые расходы на науку в 2020 г. составят 2,5% ВВП.

Подводя итог можно сказать, что усиление внешней экспансии Китая будет происходить преимущественно в экономической сфере. Внешняя политика КНР, нацеленная на улучшение отношений с соседями и формирование нового типа отношений с США, на сегодня исключает перерастание политических конфликтов с соседями по региону в прямое и масштабное вооруженное столкновение.

Проблемы японо-китайских отношений

К.Р.Вода¹

По мере повышения международного внимания к Тихоокеанской Азии растет потребность в изучении сущностных характеристик отношений между ключевыми региональными игроками, а также в прогнозировании направлений их эволюции. Это в полной мере относится к связям Японии и Китая, современное состояние которых сочетает тенденции к сотрудничеству и соперничеству в экономической и политической сферах, а также служит полем для проявления целого ряда дисбалансов.

Далее мы попытаемся определить основные тенденции развития японо-китайских экономических и политических связей на современном этапе. Особое внимание будет уделено анализу факторов, которые привели к ухудшению двусторонних отношений и могут осложнить ситуацию в будущем.

Общая характеристика японо-китайских отношений

Для японо-китайских отношений характерно наличие ряда глубоких дисбалансов, определяющих их характер как в текущий период, так и на ближайшее будущее. Главный и наиболее явный, очевидный из них – это дисбаланс между мощным и динамичным развитием экономических связей, с одной стороны, и противоречивым, сдержанно-конфронтационным состоянием политических отношений – с другой. Японо-китайские экономические связи в последние пятнадцать лет демонстрировали высокий динамизм и рост взаимной значимости для обеих стран. Более того, они превратились в мощную движущую силу торговой и инвестиционной активности в Тихоокеанской Азии в целом, привлекая в этот регион капитальные и интеллектуальные ресурсы из других частей мира. Вместе с тем политические отношения Японии и Китая в рассматриваемый период имели неровный характер, а в начале 2010-х гг. произошло их резкое ухудшение, сопровождавшееся обострением территориального спора в Восточно-Китайском море, ужесточением риторики со стороны официальных лиц Японии и Китая, приостановкой или снижением уровня контактов между правительствами двух стран.

Этот дисбаланс приобрел дестабилизирующие черты, поскольку мешает нормальному развитию отношений между двумя странами. Ухудшение политических отношений начало негативно влиять на практически все сферы двусторонних экономических связей: от торговли до туризма.

За названным выше общим дисбалансом в развитии политических и экономических отношений между двумя мощными восточноазиатскими державами просматривается влияние ряда других, менее заметных невооруженному взгляду дисбалансов и противоречий. Наиболее критичный из них, как нам представляется, связан с различиями в восприятии стратегических установок и намерений друг друга политическими элитами Японии и Китая. Каждый из двух субъектов отношений

¹ Вода Кристина Рудольфовна, младший научный сотрудник ИМЭМО РАН

воспринимает действия другого как неоправданно агрессивные, считая свои собственные действия и цели исключительно оборонительными. Наращивание оборонного потенциала каждой стороной воспринимается другой как потенциальная или даже реальная угроза. Недостаток доверия на высшем политическом уровне препятствует развитию диалога, не способствуя разрешению конфликтных ситуаций путем переговоров.

Одной из причин роста политических разногласий между Японией и Китаем, по нашему мнению, является также дестабилизирующий дисбаланс между стремлением Японии найти адекватный ответ на быстрое укрепление экономической и политической мощи Китая, и желанием Китая отстаивать свои растущие интересы.

Состояние двусторонней торговли и инвестиций

С вступлением Китая во Всемирную торговую организацию в 2001 г. японо-китайские торговые связи вошли в период ускоренного роста и расцвета. За 12 лет двусторонний товарооборот увеличился более чем в три раза (см. табл. 1). В этот период японский импорт из Китая рос в среднем на 10% в год, а японский экспорт – на 12%. В 2009 г. под воздействием мирового экономического кризиса показатели двусторонней торговли упали на 12%, однако уже на следующий год они восстановились до предкризисных значений. В 2012 г. стоимость японского экспорта в Китай вновь снизилась на 12%, что было вызвано, по мнению японских экспертов, прежде всего, замедлением роста китайской экономики. По итогам 2013 г. стоимость японского экспорта в Китай сократилась еще на 11%, стоимость импорта снизилась на 4%. Японские эксперты прогнозируют дальнейшее снижение японского экспорта в Китай, поскольку ожидают замедления экономического роста в Китае и не предвидят широкомасштабных стимулирующих мер от китайского правительства.²

Ухудшение японо-китайских отношений вызвало дискуссию в экспертном сообществе по поводу значимости сторон друг для друга, а также относительно того, кто больше проиграет от нарушения существующей системы экономических связей.³

С точки зрения объема товарообмена Япония для китайской экономики становится относительно менее значимым партнером на фоне растущего значения связей с КНР для японской экономики. С начала нового столетия доля Японии в торговом обороте Китая неуклонно снижалась: с 22% в 2001 г. до 9% в 2012 г. для китайского экспорта, и с 13% в 2001 г. до 8% в 2012 г. для китайского импорта. Доля КНР во внешнеторговом обороте Японии, наоборот, год от года росла: с 8% в 2001 г. до 18% в 2012 г. для японского экспорта и с 16,5% в 2001 г. до 21% в 2012 г. для японского импорта. (Табл. 1, 2).

В 2004 г. Япония утратила роль ведущего торгового партнера Китая, уступив это место США. В 2012 г. Япония была четвертым ведущим торговым партнером Китая после ЕС, США и АСЕАН. Для Японии же Китай, напротив, в 2006 г. стал ведущим внешнеторговым партнером. В 2012 г. объем японо-китайской торговли

² JETRO survey: analysis of Japan-China trade in the first half of 2013. URL: <http://www.jetro.go.jp/en/news/releases/20130820558-news>.

³ Напр. Harner S. Japan needs China more: this is the real danger in the territorial dispute // Forbes 11.09.2012; Katz R. Why Chinese-Japanese economic relations are improving // Foreign Affairs 30.12.2013.

превышал объем торговли Японии с США более чем на 100 млрд. долл. Однако в 2013 г. японский экспорт в США впервые с 2009 г. превысил экспорт в Китай.

Таблица 1. Торговля Японии с КНР (2001-2012 гг.)

Год	Экспорт Японии (млрд. долл.)	Доля в импорте Китая, %.	Доля в экспорте Японии, %.	Импорт Японии (млрд. долл.)	Доля в экспорте Китая, %.	Доля в импорте Японии, %.
2001	30,996	12,7	7,7	57,866	21,8	16,6
2002	39,823	13,5	9,6	61,784	19,0	18,3
2003	57,416	13,9	12,2	75,469	17,2	19,7
2004	73,939	13,2	13,1	94,34	15,9	20,7
2005	80,074	12,1	13,5	108,478	14,3	21,0
2006	92,770	11,7	14,3	118,526	12,2	20,5
2007	109,271	11,4	15,3	127,923	10,5	20,6
2008	124,900	11,0	16,0	143,230	10,0	18,8
2009	109,727	10,9	18,9	122,574	10,2	22,2
2010	149,464	10,7	19,4	153,156	9,7	22,1
2011	162,035	9,3	19,7	183,882	9,7	21,5
2012	144,207	7,9	18	188,435	9,2	21,3

Источник: Центр исследований международной торговли (International Trade Centre). URL: <http://www.intracen.org>.

Таблица 2. Структура импорта Японии из Китая в 2012 г.

Позиция	Импорт Японии (млрд. долл.)	Доля в японском импорте по данной позиции, %	Доля в экспорте КНР, %.
Продукция электротехнического машиностроения и электроника	47,4	48,9	9,7
Продукция общего машиностроения	32,3	50,4	8,6
Предметы одежды, аксессуары	25,1	78	16,9
Игрушки, игры	6,1	84,4	17
Продукция точного машиностроения и приборостроения	5,4	20,3	7,4

Источник: Центр исследований международной торговли. URL: <http://www.intracen.org>.

Структура двусторонней торговли подтверждает значение Китая как незаменимого торгового партнера Японии. Из Китая поступает почти 49% японского импорта электрического и электронного оборудования, 50% продукции машиностроения, 78% импорта одежды, более 80% импорта игрушек и игр. В Китай идет 26% японского экспорта оптической, фото и медицинской аппаратуры, 20% железа и стали, 18% продукции машиностроения, 25% электрического и электронного оборудования. Значение указанных отраслей для торговли Китая не превышает 20%. (Таблицы 2,3).

Примечательно, что около 90% японского экспорта и 30% импорта машиностроительной продукции из Китая составляют товары инвестиционного спроса, что свидетельствует о высоком уровне разделения труда и производственной кооперации, существующей между предприятиями Японии и Китая. При этом на 2012 г. на территории Китая действовало порядка 3,8 тыс. филиалов японских промышленных компаний, из которых около 70% составляют предприятия машиностроения.⁴

Таблица 3. Структура экспорта Японии в Китай в 2012 г.

Позиция	Экспорт Японии (млрд. долл.)	Доля в японском экспорте по данной позиции, %	Доля в импорте КНР, %.
Продукция электротехнического машиностроения и электроника	30,8	24,5	8,0
Продукция общего машиностроения	30,0	18,8	16,5
Продукция транспортного машиностроения (кроме ж/д)	13,6	8,3	19,2
Продукция точного машиностроения и приборостроения	11,9	26,2	11,3
Продукция черной металлургии	8,2	20,7	35

Источник: Центр исследований международной торговли. URL: <http://www.intracen.org>.

Рост японских прямых инвестиций в Китай стал одним из наиболее значимых характеристик двусторонних экономических отношений: с 2001 г. объем японских инвестиций рос быстрыми темпами (Табл. 4). К концу 2012 г. объем накопленных японских инвестиций в китайскую экономику составил 93,2 млрд. долл. При этом

⁴ Роль Японии в экономическом развитии стран Восточной Азии // Япония в Азии: параметры сотрудничества – М.: АИРО, XXI. 2013 – С. 108.

около 80% японских инвестиций было направлено в обрабатывающую промышленность.⁵

Таблица 4. Прямые иностранные инвестиции Японии в Китай, 2001-2012 гг.

Год	2001	2002	2003	2004	2005	2006
ПИИ (млрд. долл.)	2 158	2 622	3 980	5 863	6 575	6 169
Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012
ПИИ (млрд. долл.)	6 218	6 496	6 899	7 252	12 649	13 479

Источник: Японская внешнеторговая организация (JETRO). URL: <http://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics>.

Значительное увеличение японских ПИИ в Китай в 2011-2012 гг. связано с деятельностью японских предприятий, ориентированных на рост потребления в Китае. В этот период японские фармацевтические и косметические компании, а также предприятия розничной торговли наращивали свои инвестиции, реагируя на изменение экономической ситуации в Китае.

Несмотря на то, что некоторые показатели свидетельствуют о снижении значимости связей с Японией для китайской экономики, в реальности уровень взаимозависимости двух экономик очень высок. При этом остается неизменным тот факт, что деятельность японских компаний в Китае способствует повышению там технологического уровня производств, а также росту инновационного потенциала китайской экономики.

В то же время ухудшение японо-китайских политических отношений может в будущем крайне негативно сказаться на инвестиционной и предпринимательской активности японских компаний в КНР. По данным опроса 2013 г., японские бизнес-лидеры впервые более чем за два десятилетия перестали считать Китай наиболее благоприятной страной для инвестиций. Подобные ответы вызваны ростом трудовых издержек и замедлением темпов роста экономики в Китае, однако политические противоречия также оказали отрицательное влияние на ожидания в японском бизнесе.

Новые элементы соперничества и сотрудничества в межгосударственных экономических связях

Хотя бизнес остается наиболее динамично развивающейся сферой двусторонних связей, экономические противоречия между двумя странами заметно возросли, прежде всего в сфере освоения природных ресурсов, где Япония и Китай

⁵ Японская организация содействия внешней торговле (JETRO). URL: <http://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics>.

ведут конкурентную борьбу за новые и уже разрабатываемые источники по всему миру. Экономические противоречия усложняются ухудшением политических отношений, а отсутствие механизмов урегулирования возникающих споров на ранней стадии становится препятствием для реализации совместных экономических программ.

Стремясь обеспечить стабильность поставок энергоносителей, правительства Японии и Китая активно действуют по всему миру, в том числе в Африке, России и Центральной Азии. При этом Китай ведет себя более напористо в освоении новых нефтяных месторождений, вкладывая большие средства в инфраструктурные проекты для добычи и транспортировки энергоносителей и пытаясь влиять на цены.⁶ Это затрагивает энергетические интересы Японии, где настороженно и болезненно относятся к китайской активности в энергетической сфере.⁷

В то же время энергетический сектор содержит в себе и пространство для сотрудничества между двумя странами. Особый интерес представляет попытка властей Японии и Китая решить проблему совместной добычи полезных ископаемых в Восточно-Китайском море. В 2008 г. Китай выступил с официальным заявлением о достижении японо-китайского «консенсуса по проблеме Восточно-Китайского моря». Прежде всего, стороны выразили намерение превратить Восточно-Китайское море в «море мира, сотрудничества и дружбы», определив зону совместного освоения морских ресурсов. При этом Китай допускал участие японских компаний в развитии уже разрабатывавшегося нефтегазового месторождения Чуньсяо в соответствии с законом КНР о совместных предприятиях. Однако решение о совместном освоении ресурсов Восточно-Китайского моря так не было закреплено юридическими актами, и говорить об успешном экономическом сотрудничестве в этой области в настоящее время невозможно.

Более перспективной сферой японо-китайского взаимодействия является экология. Стремительная индустриализация Китая стала причиной роста потребления энергии, а также ухудшения экологической ситуации в стране. Сегодня перед властями Китая, стремящимися создать условия для долгосрочного устойчивого экономического роста, стоят задачи повышения энергоэффективности производств, а также их экологической безопасности. В этой связи развитие японо-китайского сотрудничества в области энергосбережения и защиты окружающей среды представляет двойной интерес: как способ активизации предпринимательской деятельности на этом направлении и как инструмент укрепления политических контактов между странами.

Уже более десятилетия министры экологии Японии и Китая ежегодно встречаются в рамках трехстороннего экологического саммита Китая, Японии и Южной Кореи. На двусторонней основе создан Форум по сотрудничеству в области экологии и одноименный совместный комитет. С 90-х гг. XX в. существует крупный японо-китайский проект по защите экологии реки Хуанхэ. Япония финансирует проект по предотвращению эрозии почв на берегах реки Хуанхэ посредством строительства дамб, резервуаров, а также установки на берегах реки метеорологических станций.

⁶ См., например: Туркменистан увеличит объемы поставок газа в Китай // Deutsche Welle. 02.09.2008.

⁷ Михеев В. В. Китай – Япония: конкуренция за лидерство. – М.: ИМЭМО РАН, 2007. – С. 67, 97-99.

Несмотря на значительное сокращение с 2007 г. оказывавшейся КНР японской официальной помощи развитию, многие экологические проекты были сохранены. Среди них, в частности, проекты по предоставлению технологий водосбережения (пров. Цзянси, Хубэй и Хунань и др.), охраны окружающей среды в регионах с засушливым климатом (пров. Шаньси, Синьцзян-Уйгурский АО), а также сохранения лесов (пров. Ганьсу, Цзянси, Хубэй, Сычуань и др.) и некоторые другие.⁸

В 2013-2014 гг. получило развитие японо-китайское сотрудничество по охране чистоты воздуха. Япония обеспокоена резкими темпами ухудшения ситуации в этой сфере в крупнейших городах Китая и распространением загрязнения на острова Японского архипелага. Япония, используя технологический потенциал и знания специалистов, заинтересована в совершенствовании систем защиты окружающей среды Китая и стремится оказать помощь в решении экологических проблем в Китае, которые могли бы нанести ущерб и Японии.

Противоречия в развитии гуманитарных связей и контактов граждан

В течение 2000-х годов наблюдалось оживление разнообразных контактов между Японией и Китаем на уровне граждан, прежде всего туристических поездок, молодежных обменов, взаимных контактов политических и общественных организаций. Однако ухудшение двусторонних политических отношений отрицательно влияет на общественное мнение Японии и Китая, вызывает рост негативных настроений в отношении друг друга, препятствует развитию дружеских связей между гражданами.

Согласно статистике Национальной туристической организации Японии, в период с 2000 по 2012 гг. произошло более чем четырехкратное увеличение посещений Японии китайскими гражданами.

Для привлечения туристов из Китая японские власти предприняли меры по облегчению визового режима. В июле 2009 г. Япония начала выдачу виз без поручителей для граждан Китая с ежегодным доходом, превышающим 250 тыс. юаней (\$ 36 тыс.). Через два года требуемая цифра была уменьшена почти в 4 раза до 60 тыс. юаней. Кроме того, с 2011 г. увеличен срок краткосрочной туристической визы с 15 до 30 дней.⁹ Для граждан Китая, отправляющихся в Японию на лечение в 2010 г., были введены многоразовые визы, позволяющие находиться в Японии в целом по шесть месяцев вместо одноразовой визы, выдававшейся до этого на 90 дней.

На углубление взаимопонимания и доверия между гражданами Японии и Китая направлены также образовательные и культурные программы обмена студентами и молодежью двух стран. 2008 г. стал годом молодежного обмена, в рамках которого прошли мероприятия в таких сферах, как наука, культура, образование, кинематограф, защита окружающей среды и туризм. В различных

⁸ Japan's ODA: rolling plan for China. Japan Ministry of Foreign Affairs. URL: http://www.mofa.go.jp/policy/oda/rolling_plans/pdfs/china.pdf.

⁹ Japan to ease travel visa rules for Chinese individuals from September. Kyodo news. URL: <http://english.kyodonews.jp/news/2011/08/108267.html>.

программах приняло участие в общей сложности более 12 тыс. школьников и студентов из Японии и Китая.¹⁰

Китайские студенты и аспиранты активно принимают участие в получении различных грантов и стипендий, предоставляемых министерством иностранных дел Японии, японскими университетами, а также такими организациями, как Японский фонд. По данным Японской студенческой организации, в 2012 г. в Японии училось более 86 тыс. китайских студентов¹¹, большинство из которых проходили краткосрочную стажировку (от 1 до 6 месяцев) в японских вузах и языковых школах. Китайские студенты составляют большинство (60%) посещающих Японию иностранных студентов.

Ухудшение японо-китайских отношений имело негативные последствия и для развития человеческих контактов. В 2012 г. были отменены мероприятия, посвященные 40-летию установления дипломатических отношений между двумя странами, выступления артистов, обмены школьниками и студентами, а также многие туристические поездки.

По сравнению с началом 2000-х годов негативные настроения у населения Японии и Китая в отношении друг друга заметно усилились. По данным опросов общественного мнения, в 2000 г. приблизительно одинаковое количество японцев негативно и позитивно относились к Китаю. Однако уже в 2008 г. соотношение первых и вторых составляло 60% на 30%.¹² В 2013 г. 90% респондентов в Японии и 93% в Китае не испытывали дружеских чувств друг к другу.¹³ Рост антияпонских настроений в Китае, выражающихся как в форме уличных демонстраций, так и в форме антияпонских высказываний в интернет-пространстве, получивших название «онлайн-национализма», стал серьезной проблемой двусторонних отношений.

При этом антияпонские выступления в Китае – достаточно новое явление в истории двусторонних отношений. Одной из причин его возникновения исследователи считают то, что после принятия Китаем курса на реформы и открытость в качестве государственной идеологии на смену коммунистическим догматам и идеологии классовой борьбы пришли идеи патриотизма и национализма.¹⁴ Органы пропаганды, воспитывая в населении патриотические чувства, делают акцент на возвеличивании китайской истории и культуры. В особенности, восхваляется борьба населения Китая против иностранной интервенции и колонизации. Через популяризацию рассказов об истории массовой гибели и унижений китайского народа власти пытаются добиться сплочения нации и вызвать желание восстановить якобы поруганное национальное достоинство.¹⁵

¹⁰ Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx/t527832.htm>.

¹¹ International students in Japan, 2012. URL: http://www.jasso.go.jp/statistics/intl_student/data12_e.html.

¹² Чугров С.В. Япония в поисках новой идентичности – М.: Вост.лит., 2010 – С. 193.

¹³ The 9th Japan-China public opinion poll. URL: http://www.genron-ppo.net/english/index.php?option=com_content&view=article&id=59:the-9th-japan-china-public-opinion-poll&catid=2:research&Itemid=4.

¹⁴ Hanp. Beukel E. Popular nationalism in China and the Sino – Japanese relations. The conflict in the East China sea an introduction study. – Copenhagen: DIIS, 2011. – P. 10-11.

¹⁵ Yanan He. History, Chinese nationalism and the emerging Sino–Japanese conflict // Journal of Contemporary China. №16(50), 2007. – P.7.

В рамках этой кампании японские военные преступления подробно описываются в выходящей большими тиражами специальной литературе, школьных учебниках и газетных статьях, документальных и художественных фильмах. С середины 1980-х гг. в Китае началось строительство музеев и мемориалов, посвященных страданиям китайского народа в период японской агрессии. Наиболее масштабные из них – мемориал, посвященный жертвам японских военных преступлений в г. Нанкине, а также музей памяти жертв испытаний бактериологического оружия в г. Харбине. Кроме того, власти Китая стали поощрять проведение исторических исследований военных преступлений, совершенных японской армией, с использованием мемуаров выживших и их родственников.

Рост антияпонских настроений в Китае был во многом вызван усилиями государственной пропаганды и был изначально направлен на решение внутрисполитических задач. Тем не менее, антияпонские чувства, выливающиеся в массовых уличных демонстрациях, способны выйти из-под контроля и нанести еще больший вред политическим связям двух государств.

Одним из важных элементов японо-китайских политических отношений, влияние которого уже сегодня невозможно игнорировать, становится растущий антияпонский «онлайн-национализм». Интернет стал играть ведущую роль в качестве пространства для распространения националистической информации и медиа-данных, а также для организации демонстраций и мобилизации граждан. Подтверждаются опасения, что способность открыто выражать свои мысли в интернет-пространстве и формировать группы пользователей по политическим убеждениям вместо демократизации и роста толерантности ведет к росту национализма в китайском обществе. При этом китайские власти будут вынуждены считаться с этой новой силой, которая из фактора, осложняющего китайско-японские отношения, может превратиться во внутрисполитическую проблему современной КНР.

Территориальный спор в Восточно-Китайском море

В наиболее концентрированном виде японо-китайские противоречия проявились в начале 2010-х гг. в споре по поводу островов Сэнкаку (кит. Дяоюй). Помимо территориальных претензий этот спор затрагивает разногласия в военно-политической, энергетической, а также в идеологической сферах и поэтому нуждается в подробном рассмотрении.

После окончания Второй мировой войны до 1972 г. эти острова находились под управлением американской администрации и были переданы под контроль Японии вместе с островом Окинава.

Однако в 1970-е годы сначала Тайвань, а затем и континентальный Китай выразили претензии на суверенитет над островами. Спор, однако, не получил заметного развития, и после подписания Договора о мире и дружбе между Японией и КНР вопрос об окончательном его разрешении был оставлен «будущим поколениям».

В 1992 г. Китай принял закон о внутренних морях, включивший острова Сэнкаку/Дяоюй в состав территории КНР. Тем не менее вплоть до осени 2010 г. при возникновении любых инцидентов в Восточно-Китайском море, будь то заход китайских рыболовных судов в воды близ островов Сэнкаку/Дяоюй, или высадка

активистов из Китая на острова, японские власти ограничивались высылкой нарушителей, а официальный Китай – заявлениями о необходимости мирного урегулирования путем переговоров.

В сентябре 2010 г. после столкновения китайского рыболовного судна с катерами морских сил самообороны Японии японские власти на 16 дней задержали капитана китайского судна. Это вызвало резкую реакцию со стороны Китая, за которой последовало прекращение официальных контактов между странами. Были приостановлены встречи на высшем уровне, прекращены консультации между министерствами.

Следующий виток напряженности был спровоцирован покупкой правительством Японии трех спорных островов у частного японского владельца осенью 2012 г. Более ста городов Китая стали местом массовых выступлений антияпонской направленности. В Пекине китайские активисты на протяжении недели пытались осаждать японское посольство. Китайские демонстранты разгромили завод «Панасоник» в г. Циньдао, били витрины японских магазинов и ресторанов. Пострадали также японские автомобили.

Особенностью событий 2010-2012 гг. стала большая продолжительность конфликтной ситуации и высокий уровень напряженности – наивысший за все время существования территориального спора.

Спор вокруг островов Сэнкаку/Дяоюй осложняется разногласиями о границах исключительных экономических зон в Восточно-Китайском море. Япония и Китай приняли Конвенцию ООН по Морскому праву, согласно которой исключительная экономическая зона страны должна простираться на 370 км от ее прибрежной полосы. Тем не менее, наибольшая ширина Восточно-Китайского моря равна 660 км, а наименьшая – 330 км, так что исключительные экономические зоны стран перекрывают друг друга. Официальная позиция Японии заключается в том, что страны должны разделить Восточно-Китайское море примерно поровну, но так, чтобы острова Сэнкаку входили в японскую половину. Однако Китай не согласен с таким предложением, считая, что его исключительная экономическая зона должна простираться вплоть до острова Окинава.¹⁶ Что касается самих островов, Япония отрицает наличие территориального спора, считая Сэнкаку неотъемлемой частью своей территории.

Необходимо обратить внимание на военно-стратегическое значение этих островов. Обретение контроля над ними необходимо Китаю для обеспечения беспрепятственного выхода своих военно-морских сил в Тихий Океан, а также для того, чтобы не допустить присутствия третьей стороны на этом участке. Данное обстоятельство предопределяет озабоченность спором США – главного военного союзника Японии, чьи 37 военных объектов расположены на острове Окинава, в 400 км от предмета спора. В министерстве обороны США всерьез озабочены наличием у Китая планов перекрытия доступа американских военно-морских сил в зону Тайваньского пролива, а также в моря, окружающие Тайвань.¹⁷

Позиция США по проблеме японо-китайского территориального спора отличается двойственностью. С одной стороны, США заявили о том, что на спорные

¹⁶ Why Japan-China spat hurts both? // The Diplomat. 13.09.2010. URL: <http://thediplomat.com/2010/09/13/why-japan-china-spat-hurts-both>.

¹⁷ Mulgan A. US-Japan Alliance the big winner from the Senkaku Islands Dispute. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2010/10/26/us-japan-alliance-the-big-winner-from-the-senkaku-islands-dispute>.

острова распространяется действие японо-американского Договора безопасности, согласно которому США обязуются обеспечивать оборону Японии при внешней агрессии. С другой стороны, США не намерены вступать с Китаем в прямую конфронтацию по данной проблеме, заявляя о необходимости решения разногласий путем переговоров.

Противоречивые сигналы со стороны США, в свою очередь, неоднозначно воспринимаются в Пекине и Токио, где существуют различия в ожиданиях относительно участия США в потенциальном конфликте вокруг спорных островов. Япония опасается быть оставленной США один на один с Китаем, Китай же стремится не допустить американского вмешательства. При этом выводы, которые стороны делают из сложившейся ситуации, идентичны: Китай и Япония видят потребность в наращивании собственной обороноспособности.

Можно выделить несколько факторов, предопределивших позицию Китая в данном инциденте. Во-первых, по мере роста экономической и военной мощи Китая растут его экономические и военно-стратегические интересы в регионе, а также готовность их отстаивать. Поэтому можно предположить, что любые попытки третьих сторон сдерживать увеличение регионального влияния Китая будут вызывать резкий отпор со стороны последнего.

Во-вторых, данный спор отодвинул на неопределенное время переговоры о совместной добыче Японией и Китаем полезных ископаемых в Восточно-Китайском море. Это позволило экспертам предположить, что в усилении напряженности между Японией и Китаем заинтересованы некоторые группы влияния в Китае, стремящиеся добиться исключительного права на разработку месторождений в данном районе собственными силами.¹⁸

В-третьих, в любом японо-китайском споре так или иначе затрагивается проблема исторического прошлого двух стран. По мнению Китая, Япония – агрессор, развязавший войну на Тихом океане и принесящий неисчислимые страдания китайскому народу, не имеет права на территориальные требования к КНР. Однако такой подход, несмотря на его очевидную пользу для консолидации общественного мнения в Китае, не способствует конструктивному решению спора и развитию отношений между странами.

В разгар конфликта в мировой прессе прошли сообщения о возникновении проблем при отправке товаров из портов Китая в Японию. В частности, широкий резонанс вызвали сообщения о том, что на протяжении трех месяцев с сентября по ноябрь 2010 г. Китай неофициально блокировал поставки в Японию редкоземельных металлов.¹⁹ Использование Китаем, являющимся крупнейшим экспортером редкоземельных металлов, такого рода экономических санкций в отношении Японии – их крупнейшего импортера – преподносилось в качестве символа возросшей политической мощи Китая, готового отстаивать свои интересы экономическими способами.

Однако экспорт редкоземельных металлов Китаем был сокращен на 40% еще до возникновения инцидента в Восточно-Китайском море летом 2010 г. Сокращение было вызвано, прежде всего, внутренними причинами, главная из которых –

¹⁸ Amako S. The Senkaku islands and Japan-China relations. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2010/10/25/the-senkaku-islands-incident-and-japan-china-relations>.

¹⁹ China still bans rare earth to Japan // The NY Times. 11.11.2010. URL: http://nytimes.com/2010/11/11/business/global/11rare.html?_r=1.

увеличение внутреннего спроса на эти минералы.²⁰ В этом свете увязка проблемы экспорта редкоземельных элементов с территориальным спором выглядит искусственной и во многом пропагандистской. Тем не менее спекуляции на тему китайских экономических санкций реально осложнили двусторонние отношения.

Напряженность в связи со спором по поводу судьбы островов в Восточно-Китайском море усугубляется активизацией националистических сил в Японии, которые являются самостоятельной политической силой, способной через консервативных членов парламента оказывать влияние на государственные решения, особенно по поводу территориальных споров.

Анализ недавней истории и нынешнего состояния японо-китайского территориального спора подводит к ряду выводов и предположений общего характера. В первую очередь, он свидетельствует о росте признаков изменения баланса сил в Тихоокеанской Азии, где США, по-прежнему доминирующая военная держава в регионе, вынуждены считаться с растущими интересами и мощью Китая.

Кроме того, он обнажает ряд сложных дилемм относительно путей и возможностей обеспечения безопасности в контексте отношений между Японией, КНР и США, связанных, в том числе, с масштабами усилий по наращиванию национального военного потенциала странами Северо-Восточной Азии. При этом некоторая уклончивость позиции США усугубляет недоверие между политическими элитами Японии и Китая.

Негативное влияние на состояние спора оказывает также рост национализма в Китае и Японии, который сужает возможности для поиска компромиссных решений политиками обеих стран.

В целом, в отношениях между Японией и Китаем сохраняются элементы нестабильности, прорывающиеся из политической сферы в экономику и обратно, серьезно осложняя двустороннее взаимодействие. В этой связи особой актуальностью обладает совершенствование механизмов укрепления доверия и урегулирования споров на ранней стадии.

²⁰ Редкоземельные металлы используются, прежде всего, в производстве сверхсовременных средств связи, а также электромобилях. См. Digging in // The Economist. 02.09.2010.

Российско-японские отношения в тихоокеанском контексте

К.Р.Вода, В.Г.Швыдко¹

Говоря об отношениях России и Японии в тихоокеанском контексте, на наш взгляд, необходимо четко разделять два уровня контактов между двумя странами: 1) официальный, или правительственный уровень, то есть тот, на котором связи и сотрудничество имеют межгосударственный характер, и 2) частный, то есть контакты между компаниями, негосударственными организациями и отдельными людьми. Несмотря на тесную связь двух уровней двустороннего взаимодействия, каждый из них, тем не менее, подчиняется собственной логике и определяется своим набором факторов и интересов. Кроме того, на каждом из этих уровней присутствуют различные объекты отношений, часть из которых относится к экономической сфере, часть – к политической и гуманитарной.

Дисбалансы политического взаимодействия

Межгосударственные российско-японские отношения развиваются в жестких рамках, определяемых внешнеполитическими приоритетами и принципами каждой из двух стран. Эти рамки устанавливаются с учетом общего видения места своей страны в существующем миропорядке, стратегии внешнеполитических союзов, оценки угроз и возможностей в региональном и глобальном измерениях.

Внешнеполитические интересы России и Японии в значительной степени не сбалансированы по отношению друг к другу, что оказывает определенное влияние на характер двусторонних связей.

Так, для Японии важнейшую роль играет стратегический союз с США, выстраивание контактов с соседями по Восточной Азии – Китаем и Южной Кореей, создание благоприятных условий для деятельности японских компаний в странах – главных экономических контрагентах Японии, в том числе с помощью межправительственных соглашений об экономическом партнерстве, а также участия в многосторонних интеграционных проектах в тихоокеанском регионе.

Внешняя политика России, в свою очередь, определяется ее приоритетами выстраивания отношений на постсоветском пространстве; сложными отношениями соперничества и партнерства с США; опасениями дестабилизирующего воздействия внешних сил на внутривнутриполитические процессы в России, а также поисками новых рынков для своих главных экспортных товаров и крупнейших российских компаний.

Тем не менее, подобные различия в приоритетах внешней политики не являются фундаментальным препятствием для развития двусторонних отношений. Несмотря на несовпадение многих интересов, между Россией и Японией

¹ Вода Кристина Рудольфовна, младший научный сотрудник ИМЭМО РАН; Швыдко Виталий Григорьевич, к.э.н., зав. сектором ИМЭМО РАН.

существуют обширные поля, где внешнеполитические принципы и установки пересекаются и дополняют друг друга.

В первую очередь, это относится к созданию институциональных условий для рыночных связей между компаниями двух стран; поощрению либерализации международной торговли и инвестиций, в частности в тихоокеанском регионе. Далее, обе страны крайне заинтересованы в международном урегулировании ситуации вокруг Северной Кореи и ее ядерной программы, в разрешении конфликтов между Китаем и его соседями по поводу прав на спорные территории и акватории, в предотвращении конфликтов и вспышек напряженности в Северо-Восточной Азии.

В межправительственных отношениях между Россией и Японией также присутствует обширный круг вопросов, связанных с обеспечением безопасности на двустороннем уровне – от предотвращения инцидентов на море и в воздушном пространстве до противодействия террористическим, криминальным, техногенным, природным и другим угрозам. Контакты между двумя правительствами по этому поводу уже имеют большую историю, что придает им устойчивость и иммунитет к воздействию периодически возникающих краткосрочных факторов, осложняющих политические отношения между двумя странами.

Тем не менее, плодотворному взаимодействию в этих вопросах мешает наследие прошлого – различная оценка ряда событий периода Второй мировой войны и юридическая неурегулированность проблемы делимитации послевоенных границ.

Проблема принадлежности Южно-Курильских островов, называемых в Японии «северными территориями», входит в число приоритетных внешнеполитических вопросов любого правительства Японии. В начале 2000-х гг. стороны подтвердили значение Совместной декларации СССР и Японии 1956 г., Токийской декларации о российско-японских отношениях 1993 г., Иркутского заявления Президента РФ и Премьер-министра Японии о дальнейшем продолжении переговоров по проблеме мирного договора 2001 г. и других договоренностей в качестве базовых документов для урегулирования проблемы².

Однако между Россией и Японией сохраняются существенные различия в подходах к решению территориальной проблемы, которые не удается преодолеть, несмотря на продолжающиеся в течение многих лет консультации.

Ход российско-японских переговоров в последнее десятилетие напрямую зависел от внутривнутриполитической ситуации и политической воли руководителей двух стран. На первую половину 2000-х годов пришелся период относительно благоприятного общего климата в российско-японских отношениях и частых личных контактов президента В. Путина с премьер-министрами Ё. Мори и Дз. Коидзуми. Во второй половине десятилетия отношения во многом потеряли динамизм, что не в последнюю очередь было связано с частой сменой кабинетов и премьер-министров в Японии в 2006-2012 гг.

В 2009-2011 гг. двусторонние политические отношения пережили период серьезного охлаждения. Серьезное напряжение в Японии вызвал первый визит тогдашнего президента РФ Д. Медведева на остров Кунашир в 2010 г., после чего

² Казаков О., Кистанов В. Российско-японские отношения в первом десятилетии XXI века: движение вперед или топтание на месте? // Япония наших дней – № 3(17) – 2013. – М.: ИДВ РАН, 2013 – с. 35.

японский посол на несколько недель был отозван из Москвы. С настороженностью было воспринято установление в России памятной даты 2 сентября в качестве Дня окончания Второй мировой войны. Российские власти в этот период также высказывали критику в отношении некоторых событий внутривнутриполитической жизни Японии, в частности осудив принятие парламентом Японии поправки к закону о «специальных мерах по содействию решению проблемы северных территорий», в которой спорные территории были названы «исконно японскими»³. Это, по мнению России, подрывало основу для переговоров по территориальному вопросу, базирующихся на положении о том, что статус обсуждаемых территорий должен быть определен в результате переговоров.

Занявший в конце 2012 г. пост премьер-министра Японии Синдзо Абэ провозгласил курс на «активную дипломатию», в том числе и на российском направлении. Он поставил задачу реанимировать переговоры по решению территориального спора, для чего заявил о намерении установить «доверительные личные отношения» с президентом России. В апреле 2013 г. глава японского государства посетил Москву, где по итогам встречи на высшем уровне стороны признали «ненормальным» отсутствие мирного договора и согласились возобновить и ускорить консультации по его подписанию⁴. В июне 2013 г. начались российско-японские переговоры на уровне заместителей министров иностранных дел двух государств.

Дальнейшему оживлению японо-российских связей способствовала встреча в формате «2+2» между министрами иностранных дел и обороны двух стран, впервые состоявшаяся в ноябре 2013 г. Данный формат использовался с 1990-х гг. как механизм укрепления японо-американского альянса, однако в начале XXI в. был распространен на взаимодействие Японии с другими странами: Австралией, Францией, Россией. Российско-японские консультации в формате «2+2» включали в себя обмен мнениями по таким вопросам, как противодействие пиратству, терроризму, международной преступности; проведение совместных военно-морских учений; кибербезопасность; взаимодействие в региональных и глобальных организациях и др. Стороны подтвердили важность совместных усилий для обеспечения стабильности в динамично изменяющейся ситуации в тихоокеанском регионе.

Вместе с тем переговоры выявили различия интересов и установок оборонной политики России и Японии. Российские министры отмечали, что укрепление японо-американского альянса не соответствует российским приоритетам построения системы комплексной «неделимой» региональной безопасности на внеблоковой основе. Осуществление японской программы создания системы ПРО вызывает беспокойство российских военных. Не встретили ожидавшегося понимания со стороны официальной России и алармистские высказывания государственных деятелей Японии по поводу военных усилий и региональной политики КНР.

Тем не менее, встреча в формате «2+2» имела большое значение для укрепления доверия между дипломатическими и оборонными ведомствами двух стран и поиска сфер будущего практического сотрудничества. Появилась возможность расширить список тем межгосударственного взаимодействия, включив

³ Там же, с. 45-47.

⁴ Заявление для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-японских переговоров // Президент России. 29.04.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/18000>.

в него, наряду с территориальными вопросами, обсуждение насущных проблем безопасности в Тихоокеанской Азии.

В начале 2014 г. дисбаланс внешнеполитических установок России и Японии обострился в связи с украинским кризисом. После присоединения к России Крымского полуострова Япония солидаризировалась с ограничительными мерами, принятыми странами Запада: не признала результаты крымского референдума; поддержала приостановку членства России в «большой восьмерке»; отложила переговоры по облегчению визового режима, подготовку двустороннего инвестиционного соглашения, приостановила сотрудничество в военной и космической сферах. В рамках второго раунда санкций Токио ввел запрет на въезд 23 российским гражданам, связанным с событиями в Украине. Кроме того, был перенесен визит в Москву министра иностранных дел Ф. Кисиды.

В то же время японские санкции носили ограниченный характер. Были сохранены многие двусторонние контакты, в том числе на высоком уровне. В марте 2014 г. РФ посетил председатель созданного в 2013 г. Совета национальной безопасности Японии и бывший советник премьер-министра С. Яти. В том же месяце в Токио прошел 6-й российско-японский инвестиционный форум, собравший около 1000 участников, в том числе представителей высшей бюрократии и глав ведущих корпораций двух стран. В рамках фестиваля российской культуры в Японии состоялся визит спикера Государственной думы С. Нарышкина.

Особенностью позиции Токио стала попытка увязать события вокруг Украины с ситуацией в Восточно-Китайском море, где в последние годы обострился японо-китайский территориальный спор. Опасаясь дальнейшего усиления военно-морской активности КНР, премьер-министр С. Абэ в ходе своего европейского турне, а также на саммите «большой семерки» весной-летом 2014 г., заявил о «недопустимости изменения статус-кво при помощи силы», что относится как к Европе, так и к островам, расположенным в Азии⁵. В свою очередь, риторика с российской стороны указывала на недостаточную самостоятельность японской внешней политики и её зависимость от американской линии.

Украинский кризис привел к ухудшению российско-японских политических отношений в 2014 г., в том числе поставив под сомнение продолжение переговоров по территориальной проблеме. Накопленного потенциала двустороннего взаимодействия оказалось недостаточно для предотвращения нежелательных действий, а различия во внешнеполитических установках двух стран осложнили поиск взаимопонимания в критической ситуации.

Вопрос о будущей конфигурации дисбаланса в двусторонних межгосударственных отношениях – трудный для прогнозирования. Многие будут определяться общей конъюнктурой мировой экономики в среднесрочной перспективе и тем, как экономики Японии и России будут вписываться в мировой контекст. На двусторонние отношения будет оказывать воздействие логика будущей эволюции международных отношений в регионе и мире, а также то, какое место в этой общей картине отведет себе политический класс обеих стран. Многие будут зависеть от позиции и от активности экспертного сообщества, роль которого при принятии политических и экономических решений сегодня возрастает. Однако более всего реализация потенциала сотрудничества будет зависеть от прозорливости,

⁵ Саммит G7 в Брюсселе // Премьер-министр Японии. URL: // http://www.kantei.go.jp/jp/96_abe/actions/201406/04G7_Brussels.html.

гибкости и реализма политических элит, от их способности правильно оценить долгосрочные перспективы и горизонты возможностей.

Состояние и проблемы экономического сотрудничества

Объем двусторонних контактов на частном уровне, в первую очередь торговая и инвестиционная деятельность компаний двух стран, определяются, с одной стороны, рыночной ситуацией, а с другой – тем, какие возможности для себя эти компании усматривают в российско-японском взаимодействии.

Здесь также присутствует дисбаланс между моделями и траекториями роста экономик России и Японии, а также между конфигурациями интересов и возможностей деловых кругов двух стран.

Этот дисбаланс существует давно, хотя в последние годы есть признаки его усиления, что выражается в большей разнонаправленности магистральных направлений усилий бизнес-элиты двух стран.

Тем не менее, это расхождение пока не настолько велико, чтобы существенно дестабилизировать сложившуюся систему связей и изменить общий тренд в сторону сворачивания экономических отношений. Более того, и здесь объективно продолжает сохраняться достаточно обширное поле взаимного интереса.

Увеличивается объем российско-японской торговли: двусторонний товарооборот в 2013 г. составил почти 35 млрд. долл., что позволило Японии занять 8-е место в списке крупнейших внешнеторговых партнеров России.

Торговля между Японией и Россией

(по данным японской статистики, млрд. долл. США)

	2001	2005	2010	2011	2012	2013
Товарооборот	4,57	10,7	24,1	30,8	33,4	34,6
Японский экспорт в РФ	0,72	4,48	8,02	11,8	12,6	11,0
Японский импорт из РФ	3,86	6,1	16,1	19,0	20,8	23,7
Доля энергоносителей в структуре японского импорта из РФ, проц.	9	33	76	74	77	82

Источник: International Trade Center. URL: <http://intracen.org>.

Рост товарооборота обеспечивался, главным образом, увеличением объемов поставок в Японию российских энергоносителей, доля которых в японском импорте из РФ превысила в 2013 г 80% (см.табл.). Структура японского экспорта в этот период не претерпела серьезных изменений: основную долю продолжает составлять продукция автомобилестроения (64% в 2013 г.).

Объем накопленных японских инвестиций в экономику России в 2013 г. достиг 10 млрд. долл., накопленных прямых инвестиций – 1,3 млрд. долл.⁶ Сохраняется концентрация японских капиталовложений в ограниченном круге отраслей (энергетика, автомобилестроение), преобладание крупных компаний в качестве источников и получателей инвестиций, а также высокая степень концентрации японских прямых инвестиций в ограниченном числе российских регионов.

Перспективы деловых связей: тенденции и препятствия

В среднесрочной перспективе, скорее всего, сохранятся уже обозначившиеся тенденции развития двусторонних торгово-экономических отношений.

Действительно, с одной стороны, в России стержнем экономического роста, безусловно, по-прежнему будет комплекс отраслей, так или иначе связанных с энергетикой – добыча минерального топлива, его транспортировка и переработка, производство электроэнергии, производство и обслуживание необходимого для этих видов деятельности оборудования. Именно в этой сфере сегодня сосредоточена огромная часть имеющихся в распоряжении российской экономики финансовых, технических и интеллектуальных ресурсов; здесь располагается самое крупное окно экспортных возможностей и именно здесь формируется огромная доля предъявляемого российской экономикой спроса на инвестиционные ресурсы и сложные технологии.

С другой стороны, в Японии после аварии на АЭС «Фукусима-1» в 2011 г. и остановки в стране всех атомных электростанций возрос спрос на минеральные энергоносители. Сегодня повышение эффективности и безопасности производства и потребления энергии является одним из наиболее быстрорастущих и перспективных сегментов деятельности в Японии.

Ведущие российские энергетические компании рассматривают Японию как перспективный рынок сбыта нефти и сжиженного природного газа (СПГ), а также как потенциальный источник требуемых технологий и инвестиционных товаров. В 2006 г. начались отгрузки нефти за рубеж с терминала в дальневосточном порту Де-Кастри, построенного в рамках проекта «Сахалин-1» с участием японского капитала (компания SODECO). Важным событием в рамках двустороннего энергетического сотрудничества стало открытие в 2010 г. в рамках проекта «Сахалин-2» первого в России завода по производству СПГ мощностью 9,6 млн. тонн в год. Японские компании играли важную роль в качестве ключевых инвесторов этого проекта («Мицуи буссан» – 12,5%; «Мицубиси» – 10%), а также в качестве крупнейших потребителей конечной продукции (в Японию поступает около 70% продукции завода).

Развитие российско-японского сотрудничества на газовом направлении предполагает увеличение мощностей СПГ, ставшего вторым главным российским экспортным товаром в торговле с Японией. Предполагается участие японских компаний в новом проекте «Владивосток-СПГ» на основании рамочного соглашения, подписанного в 2005 г. между ОАО «Газпром» и Агентством по природным ресурсам и энергетике Министерства экономики, торговли и промышленности Японии.⁷

⁶ База данных Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://cbsd.gks.ru/#>.

⁷ ОАО «Газпром». URL: <http://www.gazprom.ru/press>.

Партнерами «Газпрома» в проекте «Владивосток-СПГ» выступают консорциум Japan Far East Gas Company, а также государственный Банк международного сотрудничества Японии (JBIC).

Активизирует взаимодействие с японскими компаниями и другой российский энергетический гигант – «Роснефть», который также планирует строительство завода по переработке природного газа на о. Сахалин в рамках проекта «Дальневосточный СПГ». В 2013 г. был подписан меморандум о сотрудничестве с компанией «Марубэни», а также соглашение об условиях торговли СПГ с компанией SODECO. Несмотря на конкуренцию российских энергетических компаний, японские инвесторы рассматривают оба проекта, направленных на увеличение импорта природного газа в страны тихоокеанского региона.

Заинтересованность в контактах с японскими компаниями высказывают также российские предприятия, проявляющие активность в нефте- и газохимии, в производстве резинотехнических изделий, а также в техническом обслуживании машин и оборудования для добычи и транспортировки углеводородов.

Не снижается интерес к Японии и у российских компаний, связанных с ядерной энергетикой – они надеются получить возможность принять участие в программах повышения безопасности ядерных электростанций в Японии, а также в поиске возможностей для совместного бизнеса в третьих странах. В качестве потенциального партнера Японию рассматривают российские инновационные фирмы, работающие в области энергосберегающих технологий и нетрадиционных источников энергии.

Другим сегментом, в котором шансы на успешные деловые контакты с японским бизнесом оцениваются российскими компаниями как высокие, является модернизация транспортных и телекоммуникационных сетей.

Интерес к Японии сохраняют также компании-дистрибьюторы, работающие в отдельных сегментах потребительского рынка. В первую очередь, автодилеры, но и в других секторах есть существенный спрос на товары и услуги с японским имиджем.

Перспективной областью сотрудничества остается сельское хозяйство. Правительство РФ поддерживает увеличение экспорта сельскохозяйственной продукции из Сибири и Дальнего Востока в страны тихоокеанского региона. Японский бизнес проявляет интерес к экспорту технологий и осуществлению инвестиций в агропромышленный сектор на Дальнем Востоке России, а также в ее центральных и черноземных районах.

Препятствием для ускоренного развития двустороннего торгово-экономического сотрудничества, помимо нерешенной проблемы мирного договора, остается слабая привлекательность российской экономики для японского бизнеса. Регионы Дальнего Востока РФ, которые наиболее заинтересованы в привлечении японских инвестиций, оказываются в меньшей степени подготовленными к сотрудничеству, выходящему за рамки энергетических проектов. Задачи модернизации отсталой транспортно-логистической инфраструктуры, улучшения демографической ситуации и повышения покупательной способности населения в этих регионах не имеют быстрого решения.

Одной из проблем двустороннего взаимодействия остается негативный имидж РФ как страны, хозяйственная деятельность в которой осложнена коррупционными и бюрократическими препятствиями.

Тем не менее, в среднесрочной перспективе Япония сохранит свое значение в качестве важного торгово-экономического партнера России и источника инвестиций, необходимых для модернизации экономики РФ. Для дальнейшего улучшения российско-японских отношений целесообразно использование комплексного подхода, сочетающего благоприятный политический климат на высшем уровне, обеспечение стабильности и комфортных условий для ведения бизнеса в России, а также культурное взаимодействие для укрепления взаимопонимания и доверия между населением двух стран.

АСЕАН, проблема Южно-Китайского моря и поворот России в Азию

Е.А.Канаев¹

Вызовы, с которыми сталкивается глобальная система международных отношений на нынешнем этапе своего развития, можно без преувеличения считать самыми серьезными после окончания «холодной войны». Происходит снижение эффективности международно-правовых и институциональных возможностей, которыми обладает международное сообщество, чтобы предотвращать эскалацию противоречий между своими участниками до состояния крупных кризисов. Экономическое сотрудничество, которое, как считалось еще совсем недавно, будет служить надежной гарантией снижения остроты политических проблем, все чаще приносится в жертву политическим интересам, причем – краткосрочным и конъюнктурным. В СМИ многих стран практика использования двойных стандартов приобрела невиданный прежде размах. Все это свидетельствует о начале новой эпохи, не без иронии названной профессором Государственного университета Огайо Р. Швеллером «веком энтропии в международных отношениях»².

Парадоксально, но эти процессы пока в меньшей степени проецируются на Тихоокеанскую Азию. В регионе остаются нерешенными многие проблемы в сфере безопасности, однако они, как правило, не переходят черту, за которой начинаются обвальные, заведомо деструктивные последствия. В этом немалая заслуга Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), которая является «движущей силой» площадок и инициатив многостороннего сотрудничества, призванных купировать остроту угроз региональной безопасности.

Одной из таких угроз остается комплекс проблем, связанных с Южно-Китайским морем, которые обсуждаются на заседаниях асеаноцентричных структур многосторонней дипломатии. Соответственно, важно уточнить: в какой мере Ассоциация как локомотив этих площадок может влиять на рассматриваемую проблему с учетом ее эволюции и современного состояния, соотнося эти факторы с собственными перспективными планами. Такой анализ важен для интересов Российской Федерации с точки зрения повышения эффективности ее политики в Тихоокеанской Азии.

¹ Канаев Евгений Александрович, д.и.н., профессор НИУ «Высшая школа экономики».

² Schweller R.L. The Age of Entropy. Foreign Affairs. 16.06.2014. // <http://www.foreignaffairs.com/articles/141568/randall-l-schweller/the-age-of-entropy>

Проблема Южно-Китайского моря и приоритеты АСЕАН: «параллельная глобализация»

В контексте стремительной глобализации Тихоокеанской Азии обращают на себя внимание два параллельных процесса. Первый – рост глобальной значимости Южно-Китайского моря. Второй – стремление Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) усилить свое влияние на ход глобальных экономических и политических процессов.

Применительно к Южно-Китайскому морю выделим следующие моменты. Прежде всего, возрастает роль энергоресурсов этой акватории. Согласно оценкам администрации США по вопросам информации в сфере энергетики (*US Energy Information Administration*), запасы нефти и газа в Южно-Китайском море на участках, не являющихся предметом территориальных споров, составляют 11 млн. баррелей и 190 трлн. кубических футов соответственно. Акватория островов Спратли может содержать от 0,8 до 5,4 млн. баррелей нефти и между 7,6 и 55,1 трлн. кубических футов газа.

В целом, потребление жидких энергоносителей азиатскими странами, не являющимися членами ОЭСР, согласно имеющимся прогнозам, будет возрастать на 2,6% в год. В результате, эти страны увеличат свою долю в мировом потреблении с 20% в 2008 г. до 30% в 2035 г. В тот же период потребление природного газа в этих странах возрастет с 10% до 19%³. Ожидается, что почти половина этого роста – порядка 43% – придется на Китай. Для последнего особое значение имеет природный газ – в настоящее время руководство КНР планирует к 2020 г. увеличить долю природного газа в структуре энергопотребления страны с нынешних 3% до 10%⁴.

Сказанное выше дает основания ожидать повышения значимости Южно-Китайского моря для стран Тихоокеанской Азии, экономическое развитие и взаимное сотрудничество которых будет в возрастающей степени определять ход и направленность мировых экономических процессов.

Возрастает значимость биологических ресурсов Южно-Китайского моря в обеспечении продовольственной безопасности Тихоокеанской Азии. Ежегодный улов рыбы в этой акватории составляет 10% от общемирового. В условиях актуализации угрозы продовольственной безопасности для государств Тихоокеанской Азии их стратегии по решению этой проблемы будут оказывать все большее влияние на мировую экономическую и экологическую ситуацию.

Глобальная значимость морских судоходных путей Южно-Китайского моря определяется ростом товаропотоков через них. Показательным примером служит торговля энергоносителями. Если в начале 1990-х гг. Малаккский пролив пропускал 7 млн. баррелей нефти и нефтепродуктов в день (20% от общемирового объема мировой морской торговли этими товарами), то в начале 2010-х гг. эта цифра составила 15 млн. баррелей в день или примерно третью часть мировой морской торговли.

³ South China Sea. US Energy Information Administration. Updated 7.02.2013. // <http://www.eia.gov/countries/regions-topics.cfm?fips=scs>

⁴ Там же.

Глобальное измерение Южно-Китайского моря проявляется через перспективы формирования Индо-Тихоокеанского региона. Пока дискуссии ведутся, главным образом, на экспертном уровне⁵. Однако несмотря на то, что границы нового региона, его потенциальные участники и институциональный формат еще не определены, формирование «Индо-Пасифики» может серьезно обострить китайско-американские противоречия по вопросам, связанным с безопасностью на морских рубежах. С точки зрения Пекина, вслед за активизацией международной торговли через Индийский и Тихий океаны США и их союзники поставят вопрос об охране морских коммуникаций. Соответственно, размещение боевых кораблей США в Малаккском проливе, через который проходит порядка 80% китайского импорта нефти, станет реальностью. Такая ситуация выводит китайско-американские противоречия в Южно-Китайском море далеко за рамки их тихоокеанского сегмента, придавая им глобальный характер.

Говоря о глобализации интересов АСЕАН, отметим, что важное место в ее перспективных планах занимает более активная, нежели раньше, координация действий с ведущими мировыми игроками. В частности, АСЕАН прорабатывает возможности расширить число партнеров по диалогу, рассматривая в качестве одного из таковых Бразилию⁶. На экспертном уровне ведутся дискуссии о партнерстве между АСЕАН и ШОС⁷.

В форматах и инициативах многостороннего сотрудничества, координатором которых является Ассоциация, обсуждаются проблемы, глобальное измерение которых очевидно. Показательными примерами служат Восточноазиатский саммит (ВАС) и Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (РВЭП). Повестка ВАС чем дальше, тем в большей степени концентрируется на обсуждении вопросов глобальной безопасности. Соответственно, мировые «тяжеловесы» при непосредственном участии АСЕАН имеют возможность согласовывать свои подходы к актуальным международным проблемам. Применительно к РВЭП отметим, что региональные производственно-сбытовые цепочки по созданию добавленной стоимости включают в себя не только обмены промежуточными товарами и компонентами, но и услугами и технологиями. Поставщиками двух последних зачастую выступают США и ЕС, а создаваемая продукция реализуется далеко за пределами Тихоокеанской Азии. Помимо нынешних шестнадцати, РВЭП открыто для других участников, у которых есть соглашение о свободной торговле с АСЕАН. Это открывает возможность вступления в РВЭП Европейского союза – переговоры о перспективе формирования ЗСТ между ЕС и АСЕАН идут с 2007 г.

Исходя из того, что конкретная работа по внедрению в практику инициатив, выдвигаемых на площадках глобального управления, осуществляется на уровне отдельных регионов, нельзя не отметить действия АСЕАН как координатора проектов многостороннего сотрудничества в рамках АСЕАН+3. Речь идет прежде всего о Восточноазиатском валютном пуле и Восточноазиатском рисовом фонде.

⁵ Подробнее о дискуссиях вокруг Индо-Тихоокеанского региона см.: Indo-Pacific Region: Political and Strategic Prospects. – New Delhi: ICWA, 2014.

⁶ Brazil Signs ASEAN's Treaty of Amity and Cooperation. The Jakarta Post. 17.11.2011. // <http://www.thejakartapost.com/news/2011/11/17/brazil-signs-asean-s-treaty-amity-and-cooperation.html>

⁷ Vorobyev V. ASEAN and SCO: Same traditions and missions. The Jakarta Post. 25.01.2012. // <http://www.thejakartapost.com/news/2012/01/25/asean-and-sco-same-traditions-and-missions.html>

Ассоциация также заявила, что к 2022 г. она выработает единую позицию по вопросам глобального развития, конкретизировав необходимые для этого мероприятия⁸. По мере их реализации можно ожидать дальнейшего роста глобализации интересов АСЕАН.

Такое параллельное нарастание глобальной составляющей в проблематике Южно-Китайского моря и приоритетах АСЕАН ставит вопрос о балансе между эволюцией этой проблемы и возможностями Ассоциации поддерживать ее в управляемом состоянии. Для ответа на этот вопрос рассмотрим отдельно обе его составляющие.

Проблема Южно-Китайского моря: между США и Китаем

Нынешнее состояние проблемы Южно-Китайского моря позволяет выделить ее три уровня. **Нижний** представляет собой противоречия между отдельными странами по вопросу о суверенитете над спорными территориями. **Средний** относится к отношениям между Китаем и АСЕАН как единым целым, а **высший** – к американо-китайским противоречиям.

После «возвращения» США в Азию противоречия по проблематике Южно-Китайского моря сместились на китайско-американский уровень. Первым проявлением этого стали события марта 2009 г., когда произошел китайско-американский дипломатический конфликт, связанный с деятельностью американского судна *The Impeccable* в 90 милях от острова Хайнань. Пекин ее расценил как сбор Вашингтоном разведывательной информации в своей исключительной экономической зоне. В следующем году госсекретарь США Х. Клинтон, выступая на ханойской сессии Регионального форума АСЕАН, подняла вопрос о выработке Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море, выразив готовность стать посредником между Китаем и странами АСЕАН⁹. Это противоречит статье 4 Декларации поведения сторон в Южно-Китайском море, в соответствии с которой все противоречия должны разрешаться между суверенными государствами, непосредственно вовлеченными в конфликт (*sovereign states directly concerned*)¹⁰. Под таковыми понимаются страны, являющиеся претендентами на спорные территории, к которым США не относятся.

Проявления китайско-американских противоречий таковы. Первое из них – возможность пересмотра юридических параметров урегулирования конфликта. Так, Китай подчеркивает недопустимость интернационализации проблемы, в том числе вмешательства США, в соответствии с положениями Декларации поведения сторон

⁸ Bali Declaration of ASEAN Community in a Global Community of Nations. “Bali Concord III”. // <http://www.preventionweb.net/english/professional/policies/v.php?id=23664>; 2012 Bali Declaration on ASEAN Community in a Global Community of Nations “Bali Concord III” Plan of Action 2013-2017. // <http://cil.nus.edu.sg/2012/2012-bali-declaration-on-asean-community-in-a-global-community-of-nations-bali-concord-iii-plan-of-action-2013-2017-adopted-on-18-november-2012-in-phnom-penh-cambodia/>

⁹ Remarks at Press Availability. Hillary Rodham Clinton. Secretary of State. National Convention Center. Hanoi, Vietnam. July 23, 2010. // <http://m.state.gov/md145095.htm>

¹⁰ Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea. // <http://www.asean.org/asean/external-relations/china/item/declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea>

в Южно-Китайском море. США занимают иную позицию, фактически, предложив свои услуги «честного брокера» в поддержании стабильности в этой акватории.

Второе относится к возможности ведения США военной деятельности в зонах, которые Китай считает своим территориальным морем в соответствии с Законом о территориальном море и прилегающей зоне 1992 г. Китай напоминает: ратифицируя Конвенцию ООН по международному морскому праву 1982 г., он еще раз подтвердил свою приверженность Закону 1992 г.

Соответственно, с точки зрения Китая, США нарушают ст. 19, ст. 25 и ст. 30 Конвенции, определяющие понятия мирного прохода военных судов в территориальном море прибрежного государства. В частности, подчеркивает Пекин, США занимаются сбором информации, нанося ущерб обороне и безопасности КНР.

Со своей стороны, США приводят ряд контраргументов. Например, они утверждают, что территориальным морем КНР является только акватория в пределах 12 морских миль от материка и острова Хайнань, а ИЭЗ – в пределах 200 морских миль, остальные же участки Южно-Китайского моря являются международными водами. Они также отмечают, что исследования рельефа морского дна, в чем Китай усматривает нанесение ущерба его обороне и безопасности, проводятся силами кораблей специальных миссий, которые приписаны не к министерству обороны, а к частным компаниям, и работают по контракту с правительственными структурами. Команды этих кораблей не вооружены, а следовательно – их деятельность не может нанести ущерб безопасности КНР. Наконец, США апеллируют к ст. 56 Конвенции, определяющие права, юрисдикцию и обязанности прибрежного государства в своей исключительной экономической зоне, заявляя, что там ничего не говорится об интересах безопасности прибрежного государства.

Столкновение китайского и американского видения того, что означает свобода судоходства, отражает их трактовку понятия безопасности. Для Китая оно имеет внутреннее измерение. В Законе КНР о территориальном море и прилегающей зоне (1992 г.) и Законе КНР об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе (1998 г.) акцент делается на том, что иностранные суда, проходящие через воды, считающиеся в КНР «исконно китайскими», должны отдавать приоритет законам КНР вне зависимости от того, считаются ли те или иные морские участки спорными. Для США это понятие имеет внешнее измерение. США полагают, что никакие международно-правовые нормы не должны ограничивать их право направлять в любой район мирового океана военные суда, действующие в американских интересах¹¹.

Третья линия противоречий – о допустимости проведения экономической деятельности в Южно-Китайском море другими странами, кроме КНР. Китай подчеркивает: Южно-Китайское море является не только его внутренними водами, но и районом его ключевых интересов (*core interests*)¹². Соответственно, любая хозяйственная деятельность других стран является ничем иным, как разработкой

¹¹ Этот вопрос достаточно подробно освещен в: Pham Ngoc Minh Trang. Clash of Vision: How the US and China Interpreting the Norm “Freedom of Navigation” – the Case of East Sea Disputes. // Proceedings of International Conference on East Sea Disputes. Ho Chi Minh City: Ton Duc Thang University. July 25th – 26th. P. 175-189.

¹² См. например: China Patient, Not Reckless, over Islands. Global Times. 1.07.2012. // <http://www.globaltimes.cn/content/718256.shtml>

китайских ресурсов на китайской территории. На нее должна быть получена санкция правительства КНР, а условия дележа ресурсов должны определяться Китаем. США настаивают на ином: Южно-Китайское море и его ресурсы – часть т.н. «всеобщего достояния». Соответственно, эти ресурсы могут разрабатываться как транснациональными нефтяными корпорациями, так и рыбаками прибрежных стран.

Квинтэссенцией китайско-американских противоречий стало столкновение двух концепций. С одной стороны – это китайская доктрина «активной оффшорной обороны», иначе формулируемая как «ограничение доступа/сковывание сил противника на территории» (*Anti-Access/Area Denial*). Этой территорией можно считать район «первой цепи островов», охватывающий воды Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей.

С другой стороны – американская концепция «войны на море и в воздухе» (*Air-Sea Battle*). Ее ключевой компонент – интеграция возможностей США на море, в воздухе, в космосе и в киберпространстве, для того чтобы, поддерживая военное превосходство, гарантировать себе свободу ведения деятельности военного характера в любом районе мира.

На таком фоне Китай и США не могут выработать взаимоприемлемые термины для применения их к проблематике Южно-Китайского моря. Например, США неоднократно заявляли, что поддерживают «ответственное и конструктивное» поведение на международной арене, под чем правомерно понимать и политику Пекина в Южно-Китайском море. Однако возникает логичный вопрос: сочтут ли США «конструктивным» шагом Китая гипотетическое заключение военного альянса, например, с Кубой? А потом станет проводить с ней совместные военно-морские учения в Мексиканском заливе наподобие тех, которые проводят Вашингтон и Манила в Южно-Китайском море?

В целом, эволюция проблемы Южно-Китайского моря происходит в сторону ее усложнения, что требует адекватной реакции со стороны АСЕАН, являющейся локомотивом ряда инициатив и площадок многостороннего сотрудничества по вопросам безопасности.

Ответ АСЕАН

Южно-Китайское море традиционно занимает большое место в приоритетах АСЕАН. Достаточно сказать, что именно активизация политики КНР в Южно-Китайском море в конце 1980-х – начале 1990-х гг. подтолкнула Ассоциацию к созданию Регионального форума АСЕАН (АРФ). На нынешнем этапе АСЕАН, осознающая, что в обозримой перспективе основным вызовом международной безопасности в Юго-Восточной Азии станет именно проблема Южно-Китайского моря, вынуждена уделять ей повышенное внимание.

Между тем, на практике возможности Ассоциации оказать влияние на состояние этой проблемы ограничены. Причиной служит нарастание следующих дисбалансов¹³.

¹³ Категория дисбалансов в международных отношениях разрабатывается Центром азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН. Первой работой стала: Формирование новой системы транстихоокеанской безопасности и сотрудничества. / Отв. ред. В.В. Михеев, В.Г. Швыдко. – М.: ИМЭМО РАН, 2013.

Первый из них – дисбаланс между ростом числа АСЕАНоцентричных диалоговых площадок и консервацией методов их работы. В последние годы к уже традиционным заседаниям АРФ и АТССБ добавились новые – рабочая экспертная группа по морскому сотрудничеству в рамках СМО АСЕАН+8, Морской форум АСЕАН и некоторые другие. Вместе с тем, переводу решений этих диалоговых площадок в практическое русло препятствуют принципы сотрудничества АСЕАН, основной из которых – невмешательство во внутренние дела суверенных государств.

Это предопределило отсутствие практических результатов таких дискуссий. В частности, Китай еще в 1995 г. заблокировал обсуждение вопроса об островах Южно-Китайского моря на заседаниях АРФ, утверждая, что эта проблема затрагивает суверенитет и территориальную целостность КНР. Дискуссии перешли на уровень Китай – АСЕАН, и Пекин без труда добился отражения своей позиции в Декларации поведения сторон в Южно-Китайском море 2002 г.

Гипертрофированное значение, которое Ассоциация придает суверенитету во всех его проявлениях, также препятствует проведению совместных проектов по добыче природных ресурсов. Оно же мешает совместной охране морских коммуникаций Южно-Китайского моря от пиратов.

Второй дисбаланс может быть усмотрен в противоречии между усложнением проблемы и неизменностью концептуальных подходов к ней. Сейчас состояние проблемы Южно-Китайского моря кардинально отличается от того, что она представляла собой десять-пятнадцать лет назад. Между тем, на концептуальном уровне Ассоциация не смогла опережать развитие событий хотя бы на полшага, примером чего служит деятельность Регионального форума АСЕАН. После начала деятельности АРФ его участники обозначили три стадии сотрудничества – укрепление доверия, превентивная дипломатия и создание механизма урегулирования конфликтов. Вместе с тем, уже переход от первой стадии ко второй оказался неудачным: АСЕАН не смогла дать исчерпывающий ответ на вопрос, чем отличается превентивная дипломатия от укрепления доверия¹⁴.

Третьим можно назвать дисбаланс между актуальной для АСЕАН необходимостью действовать как единое целое и фрагментацией интересов ее участников.

О степени единства позиции членов АСЕАН по проблеме Южно-Китайского моря можно судить по итогам 45-й встречи министров иностранных дел АСЕАН летом 2012 г., когда впервые в истории Ассоциации по итогам встречи не было принято совместного заявления. Причиной стало несогласие Камбоджи – страны-председателя АСЕАН в 2012 г. – включить в текст заявления упоминание об источниках противоречий с Китаем, на чем настаивали Манила и Ханой и в чем

¹⁴ К такому выводу подталкивает прочтение принятых АСЕАН и АРФ документов, в которых проводятся попытки раскрыть содержание термина «превентивная дипломатия». См.: ASEAN Regional Forum (ARF) Concept and Principles of Preventive Diplomacy. Adopted at the 8th ARF. 25.07.2001. // <http://aseanregionalforum.asean.org/library/arf-chairmans-statements-and-reports/159.html>; ASEAN Regional Forum Preventive Diplomacy Work Plan. Approved by ARF SOM. 10.06.2011. // <http://aseanregionalforum.asean.org/files/library/ARF%20Chairman's%20Statements%20and%20Reports/Th e%20Eighteenth%20ASEAN%20Regional%20Forum,%202010-2011/2%20-%20ARF%20Work%20Plan%20on%20Preventive%20Diplomacy.pdf>

Пномпень усмотрел попытку «втянуть» Ассоциацию в решение проблем ее отдельных членов¹⁵.

Еще одна инициатива Ассоциации – выработка Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море. Впервые это произошло в 1992 г., когда в ответ на активизацию китайской политики в этой акватории Ассоциация приняла Декларацию АСЕАН по Южно-Китайскому морю¹⁶. Однако практическая работа над Кодексом началась в 1998-1999 гг. Филиппины, Вьетнам и Малайзия приступили к выработке его «асеановской» версии, намереваясь впоследствии согласовать ее с Китаем.

Однако после начала переговоров между Ханоем, Манилой и Куала-Лумпуром обнаружились серьезные противоречия относительно положений будущего документа. Неготовность ассоциированных государств выступить с консолидированной позицией предопределила предложение Малайзии о принятии «промежуточного» документа. Им стала Декларация поведения сторон в Южно-Китайском море, положения которой в гораздо большей степени отвечают интересам Китая, чем стран ЮВА и Ассоциации в целом¹⁷.

В начале 2010-х гг. идея выработки Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море вновь стала «горячей» темой политических и экспертных дискуссий в странах Тихоокеанской Азии. Однако процесс застопорился. Стало очевидно, что на практике замена Декларации 2002 г. на Кодекс поведения не отвечает интересам ни Китая, ни АСЕАН, ни других региональных игроков включая США.

Причины нежелания *Китая* менять Декларацию поведения сторон в Южно-Китайском море на Кодекс поведения легко объяснимы. Пекин не хочет лишаться преимуществ, содержащихся в Декларации. В этом документе нет упоминания о Парасельских островах, следовательно, притязания на них Вьетнама выведены из правового поля урегулирования проблемы. Статья 4 гласит, что возникающие противоречия должны решаться между суверенными государствами, непосредственно вовлеченными в конфликт. Для Китая это означает, помимо прочего, невозможность подключения к переговорам США, устранение Тайваня, а также фактическое признание двусторонней основы урегулирования конфликтных ситуаций.

Не менее важен и иной момент. В случае замены Декларации 2002 г. на Кодекс поведения Китай, образно говоря, «потеряет лицо»: ведь это означало бы слишком большую уступку США, причем по вопросу, относящемуся к сфере «ключевых интересов» Китая. При этом руководство КНР не может не осознавать, что несмотря на все усилия по модернизации ВМФ НОАК, его боевой потенциал все еще существенно отстает от американского.

Наконец, в случае замены Декларации 2002 г. на Кодекс поведения сторон Китай превратится из ведущего в ведомого – из того, кто устанавливает правила

¹⁵ Cambodian Spokesperson's Clarification on the Issue of the South China Sea. 24.07.2012. // http://www.cambodianembassy.jp/index.php?option=com_content&view=article&id=224&catid=1&Itemid=64&lang=ja

¹⁶ ASEAN Declaration on the South China Sea. Manila, Philippines, 22 July 1992. // <http://www.aseansec.org/3634.htm>

¹⁷ Подробно об этом см.: Канаев Е.А. Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции. – М.: Готика, 2007.

игры в Южно-Китайском море в того, кто подчиняется правилам, устанавливаемым другими.

Несмотря на неоднократные заявления **США** о необходимости двигаться к принятию Кодекса, оно едва ли в полной мере отвечало бы их интересам. Вашингтон не может не понимать, что выработка любых договоренностей, которые будут иметь вес, объективно невозможна без его участия – или, как минимум, фиксации американских пожеланий. Основное из них – тезис о свободе судоходства через Южно-Китайское море, при этом США понимают под этим свободу не торгового судоходства, а перемещения военных кораблей. Ясно и то, что это вызовет крайне негативную реакцию Китая с перспективой серьезнейшей эскалации американо-китайских противоречий.

Для **АСЕАН** форсированная выработка Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море может стать не столько дипломатическим успехом, сколько причиной серьезных потерь. Форсирование принятия Кодекса может обнажить противоречия между ее участниками, что особенно неуместно в год, когда Ассоциация планирует завершить формирование Сообщества АСЕАН и будет находиться под пристальным вниманием мирового сообщества.

Этот сценарий особенно реален в условиях роста национализма во Вьетнаме и на Филиппинах. В СРВ превалирует убеждение, что в столкновении между Китаем и Южным Вьетнамом в январе 1974 г. пострадал весь вьетнамский народ, и эти события должны быть отражены в школьных учебниках истории как пример героической защиты вьетнамским народом своей территориальной целостности. Фоном этих событий стало нарастание социально-экономических проблем в СРВ, что обусловило потребность переключить внимание общества с внутренних процессов на внешние.

Что же касается Филиппин, то администрация Б. Акино считает необходимым продемонстрировать контраст между нынешней политикой в Южно-Китайском море и той, которая проводилась администрацией Г. Аройо. Считается, что страна понесла убытки, проводя совместные морские сейсмологические исследования с Китаем и Вьетнамом вместо работ по разведке и добыче нефти с крупными международными ТНК.

Перспектива замены Декларации 2002 г. на Кодекс поведения сторон в Южно-Китайском море едва ли может быть встречена с энтузиазмом и в так называемых «государствах среднего уровня» (*middle-power states*). В ситуации нынешней стратегической неопределенности нельзя исключать, что в Кодексе могут быть прописаны неприемлемые для них ограничения на ведение экономической и военно-морской деятельности в Южно-Китайском море.

В сложившихся условиях Ассоциация не может не задумываться о том, что делать с будущим Кодексом. С одной стороны, принять его объективно необходимо хотя бы из репутационных соображений. С другой – в переменах, тем более радикальных, никто не заинтересован. Соответственно, Кодекс поведения сторон с высокой долей вероятности будет повторять ключевые положения Декларации 2002 г. без существенных изменений, а противоречия будут решаться на двусторонних переговорах между странами ЮВА и Китаем.

В целом, потенциала структур многосторонней дипломатии, «движущей силой» которых выступает АСЕАН, оказывается недостаточно, чтобы оказывать влияние на противоречия по проблемам Южно-Китайского моря, содействуя снижению их остроты и удерживая их в контролируемых рамках.

Российский вектор

Спектр рассматриваемых проблем актуален для России на фоне ее «разворота в Азию» в условиях углубляющегося кризиса в отношениях с Западом.

России необходимо укреплять отношения с АСЕАН и выработать практически ориентированный подход к проблеме Южно-Китайского моря в ее нынешнем состоянии.

Ассоциация выступает одним из ключевых элементов геополитического баланса в отношении между ключевыми субъектами политики и безопасности Тихоокеанской Азии. Сформированные АСЕАН институты многосторонней дипломатии – при всей критике в их адрес – служат одним из страховочных механизмов, препятствующих разрастанию китайско-американских противоречий в этом районе до состояния серьезного кризиса.

В этом контексте России необходимо представить региону консолидирующую повестку сотрудничества. На теоретическом уровне важным шагом станет развитие концепции «неделимой безопасности», озвученной на Восточноазиатском саммите. На практическом – развитие темы «наращивания взаимосвязей» с учетом того, что в политическом лексиконе АСЕАН этот термин стал синонимом понятия «интеграция».

Россия не заинтересована в эскалации проблем Южно-Китайского моря. Наиболее бескомпромиссными оппонентами в вопросе о суверенитете над спорными архипелагами являются Китай и Вьетнам – союзники России в Тихоокеанской Азии и основные покупатели ее вооружений и военной техники. Российские компании «Газпром», «Роснефть», «Зарубежнефть» (в составе «Вьетсовпетро») ведут в этой акватории разведку и добычу энергоресурсов. Главное же соображение заключается в том, что успешная социально-экономическая модернизация сибирских и дальневосточных территорий России требует благоприятного внешнего окружения. Обострение ситуации в Южно-Китайском море усугубит нестабильность, отвлекая ресурсы России от обеспечения экономического и социального развития.

Позиция России по проблеме Южно-Китайского моря была озвучена в Совместном заявлении об укреплении отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между РФ и СРВ. Москва и Ханой подчеркнули приверженность положениям Устава ООН и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., а также приоритетность положений Декларации поведения сторон в Южно-Китайском море 2002 г. и необходимость ее замены на Кодекс поведения. На экспертном уровне прорабатываются основные направления российского подхода.

России целесообразно максимально отстраниться от американо-китайских противоречий в этом вопросе и не нужно предлагать себя в качестве посредника в диалоге между КНР и США, тем более принимать сторону одного из них. Проблема Южно-Китайского моря дает России хороший шанс позиционировать себя как «великую региональную неприсоединившуюся державу», находящуюся над схваткой между Пекином и Вашингтоном.

Остроту споров о разработке ресурсов Южно-Китайского моря Россия может снизить, нарастив поставки нефти и газа странам-претендентам, а разногласий относительно различных трактовок термина «свобода судоходства» – путем развития собственных транспортных коридоров, в частности Транссибирской

магистралами и Северного морского пути, тем самым снижая интенсивность грузопотока через Малаккский пролив. Противоречия, связанные с промыслом рыбы и морепродуктов Южно-Китайского моря, тоже могут быть снижены при непосредственном российском участии посредством совместных проектов по укреплению продовольственной безопасности в регионе.

В контексте предложения о формировании «неделимой безопасности», озвученного на Восточноазиатском саммите 2013 г.¹⁸, Россия могла бы предложить партнерам по ВАС выработать документ, регламентирующий поведение стран региона на морских пространствах АТР, в том числе в Южно-Китайском море. Он мог бы содержать отдельные положения или компоненты Соглашения о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним, заключенном между СССР и США в 1972 г.

На фоне хаотизации современных международных процессов все более явно просматривается формирование парадоксальной ситуации. Даже при серьезных пробуксовках отдельных проектов экономического регионализма – например, переговоров о Транстихоокеанском партнерстве – Тихоокеанская Азия будет оставаться основным «драйвером» роста мировой экономики. Однако в отношении урегулирования политических проблем потенциала региона оказывается недостаточно даже для того, чтобы поддерживать в контролируемом состоянии противоречия, не выходящие за рамки тихоокеанского географического ареала.

Эволюция проблемы Южно-Китайского моря служит яркой иллюстрацией последнего. На фоне глобализации противоречий вокруг этого вопроса и его существа форматы и инициативы многостороннего сотрудничества, «ведомые» Ассоциацией, содействуют не столько снижению остроты противоречий, сколько их консервации.

В сложившихся условиях АСЕАН нужна помощь партнера, который одновременно отвечает четырем требованиям: является состоявшимся глобальным игроком, проводит независимую внешнюю политику в Тихоокеанской Азии, не имеет территориальных притязаний в Южно-Китайском море и заинтересован в стабилизации обстановки в этой акватории. Единственным кандидатом на роль такового является Российская Федерация.

Еще несколько лет назад Россия не рассматривалась в качестве игрока, способного повлиять на ситуацию в Южно-Китайском море. В нынешней ситуации у России такие возможности есть, и запрос на них в регионе будет нарастать. Залогом их эффективного использования станут укрепление отношений с АСЕАН и поддержка консолидирующей повестки сотрудничества в регионе в контексте «неделимой безопасности» и «наращивания взаимосвязей».

¹⁸ Speech by the Russian Foreign Minister Sergey Lavrov at the plenary session of the 8th East Asia Summit, Bandar Seri Begawan, 10 October 2013. The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation Official Site. 11.10.2013. // http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/0C7F5771728E0FB644257C06003674F2

Будущее отношений России с АТЭС

А.Н. Федоровский¹

В 2000-е годы продолжали расширяться торгово-экономические связи России со странами АТЭС, а также сотрудничество с этой региональной организацией, включая проведение в 2012 г. Саммита АТЭС во Владивостоке. При этом в процессе выхода российской экономики из кризиса 2008-2009 гг. торговля с тихоокеанскими странами росла опережающими темпами, в результате чего их доля в российской внешней торговле увеличилась до 34%. Этому также способствовала реализация Россией инфраструктурных и промышленных проектов, содействовавших укреплению сотрудничества с тихоокеанскими партнерами. Вместе с тем отношения РФ с АТЭС характеризуются рядом дисбалансов, способных повлиять на характер и темпы развития отношений России с этой международной организацией.

В течение почти полутора десятилетий XXI века на российском Дальнем Востоке были созданы крупные энергетические объекты. В частности, завершено строительство Бурейской ГЭС, на Сахалине появился комплекс предприятий, обеспечивающих производство и экспорт сжиженного газа (пример успешного высокотехнологичного проекта при участии ТНК). Расширяется сеть нефте- и газопроводов, линий электропередач, рассчитанных на увеличение поставок топлива и электроэнергии на рынки тихоокеанских стран. Подписанное в 2014 г. тридцатилетнее соглашение между Газпромом и CNPC об экспорте газа в Китай на сумму в 400 млрд. долл. усиливает уже сложившуюся тенденцию.

С одной стороны, этот процесс позитивен, поскольку позволяет российским энергетическим компаниям диверсифицировать рынки сбыта. С другой стороны, наращивание вывоза углеводородного сырья означает, что российский экспортный потенциал консервируется как топливно-сырьевой. Причем проблема не собственно в сырьевом экспорте – она, скорее, состоит в необходимости его дополнения поставками других товаров и услуг, а также формирования условий, встраивающих сырьевой экспорт в региональные процессы.

В среднесрочной перспективе следует ожидать сохранения традиционной схемы торговли, характеризуемой **системным структурным дисбалансом** российской внешней торговли со странами-членами АТЭС: в экспорте будут преобладать нефть, газ, уголь, минеральное сырье, рыба и морепродукты, а также продукция первичной переработки сырья (черные и цветные металлы, минеральные удобрения). Дополнительные статьи вывоза – продажи вооружения, а также разовые контракты на поставку энергетического оборудования, аэрокосмической и некоторой другой техники в среднесрочной перспективе будут носить ограниченный характер. В свою очередь, в импорте будут доминировать промышленное оборудование и потребительские изделия широкого ассортимента – от товаров длительного пользования до одежды и обуви.

Между тем функционирование отечественного индустриального комплекса ни в целом, ни в его дальневосточной части не встроено в основные экономические процессы, происходящие в регионе. Причем это относится как к уже развитой

¹ Федоровский Александр Николаевич, д.э.н., зав. сектором ИМЭМО РАН.

промышленной кооперации, так и к намечаемой инновационной интеграции. Поэтому ни приток капитала, ни участие в международных инновационных программах и т.п. в их нынешнем виде не дают российскому бизнесу ответных системных креативных импульсов. *Дисбаланс в кооперационных связях* носит деструктивный характер, препятствующий развитию экономических связей России со странами тихоокеанского региона.

При выстраивании своей «восточной» политики Российской Федерации также приходится сталкиваться с проблемой преодоления *институциональных дисбалансов*, характеризующих отношения российской экономики и системы международных экономических отношений, сложившейся в тихоокеанском регионе. Отвечая на проистекающие из региона новые вызовы и пытаясь воспользоваться заложенными здесь уникальными возможностями, Россия должна искать решения, в конечном итоге оказывающие важнейшее влияние на формирование стратегии национального развития.

Существенным проблемой остается также преодоление *дисбаланса участия российских регионов* в отношениях России со своими тихоокеанскими партнерами. Объективно Дальневосточный экономический район призван играть в этом процессе главенствующую роль, но было бы недостаточно дальновидно строить отношения с тихоокеанскими государствами, полагаясь исключительно на его потенциал. В последнем случае Россия будет воспроизводить традиционную модель внешнеэкономических связей на протяжении еще многих десятилетий. Гораздо перспективнее постепенно включить в развитие дальневосточного региона потенциал Европейской России и либо через Дальний Восток, либо непосредственно вовлекать наиболее крупный и креативный отечественный бизнес в идущие интеграционные процессы.

Особо следует подчеркнуть, что собственного потенциала Дальневосточного района и его предпринимательских, организационных и финансовых возможностей недостаточно, чтобы поддерживать там инновационную деятельность и научно-техническую кооперацию.

Одновременно необходимо учитывать и то обстоятельство, что принцип унифицированности экономической политики не может быть безоговорочно применен к такой гигантской стране, как Россия. И чем дальше будет развиваться процесс втягивания региональных экономик в интеграционные процессы в Европе и на Тихом океане, тем в большей степени потребуются тонкая настройка федеральной внутренней и внешней экономической политики.

В связи с этим в критическом осмыслении нуждается целесообразность унифицированного подхода при подключении дальневосточных регионов к международному экономическому сотрудничеству со странами региона. В частности, Сахалин, фактически представляющий собой по ряду показателей (численность населения, уровень урбанизации, роль нефтегазовой промышленности, основные внешнеэкономические партнеры) российский Бруней, существенно отличается от Приморского края, играющего роль важнейшего транспортного, логистического узла, посредника в проведении внешнеторговых и транзитных операций, образовательного и научного центра российского Дальнего Востока.

Наконец, России необходимо учитывать новые приоритеты, обозначенные АТЭС на своих форумах, дабы не допускать углубления во взаимных отношениях старых и появление новых дисбалансов.

В этом плане примечательными представляются результаты саммита АТЭС на индонезийском о. Бали (7-8 октября 2013г.). Прежде всего, тихоокеанские государства подтвердили приверженность стратегическому курсу на достижение к 2020 г. заявленной в 1994 г. «Богорской цели» – максимальному снижению тарифных и нетарифных ограничений торгово-экономических обменов и противодействию использованию протекционистских мер, продлив до 2016 г. мораторий на введение дополнительных барьеров в торговле. Была также подтверждена перспектива продвижения к соглашению о свободной торговле на региональном уровне в рамках АТЭС, хотя параметры продвижения к этой цели пока четко не оформлены.

Такой подход усложняет для России поиск путей подключения к процессам, получившим распространение в АТЭС. Объективные трудности усугубляются тем обстоятельством, что импульсы, стимулирующие переориентацию российского бизнеса на тихоокеанское направление, носят неоднородное содержание и в неодинаковой степени оказывают влияние на разные отрасли экономики и коммерческие структуры.

Пока *преодоление дисбалансов в приоритетах российских экономических элит* во многом происходит за счет управленческих решений, принимаемых на государственном уровне и «сверху» передаваемых бизнесу. В итоге стратегическая слабость российской политики в отношении тихоокеанского региона состоит в *дисбалансе внешнеэкономической роли государственных корпораций и частных компаний*, выражающемся в чрезмерной ставке на государственные институты, особенно на фоне того, в других странах региона преобладает совместная деятельность государства, коммерческих структур и экспертного сообщества. В 2000-е годы к ним присоединились неправительственные организации. При этом стоит подчеркнуть авангардную роль частного бизнеса в формировании интеграционных процессов.

Участие России в АТЭС не привело к преодолению ее отставания в создании механизма взаимодействия с тихоокеанскими странами, с одной стороны, адекватного задаче обеспечения модернизации страны, с другой – учитывающего быстрые изменения организационно-правового характера, присущие региональным экономическим отношениям. Широкий охват тихоокеанских стран соглашениями о свободной торговле, появление концепции «транстихоокеанского партнерства» делают неизбежным для России подготовку встречных мер. В итоге, сохраняется *дисбаланс внешнеэкономических претензий и правовой базы*, обеспечивающей правовой фундамент коммерческой деятельности России в странах региона.

В связи с этим, в частности, на повестке дня стоит скорейшее завершение отработки пилотных ССТ с рядом тихоокеанских государств: например, с таким давним партнером России, как Вьетнам. Это позволило бы сфокусированно представить приоритеты российского государства и бизнеса на тихоокеанском направлении, предусмотреть нюансы балансирования между интересами производителей и интересами потребителей нашей страны при проведении экономической политики и, в итоге, выработать стратегический подход к перспективам региональной интеграции, в том числе в рамках АТЭС.

Другой важной декларацией Саммита АТЭС 2013 г. стал призыв использовать значительные резервы развития экономик тихоокеанских стран. В частности, учитывая, что неразвитость инфраструктуры мешает этому региону реализовать свой потенциал развития, большое значение приобретает создание благоприятной

нормативной базы и институциональной среды, способствующей вовлечению частного сектора в модернизацию инфраструктуры, что предусмотрено планом на 2013-2016 гг. по инфраструктурному развитию и инвестированию. В русле этого подхода лежит и решение о создании в Индонезии пилотного Центра АТЭС по вопросам государственно-частного партнерства, призванного оценивать инфраструктурные проекты, привлекать финансирование из частных источников и отслеживать ход реализации поддержанных проектов. Согласованно также учреждение Консультативно-экспертной группы АТЭС по вопросам государственно-частного партнерства, с целью содействия становлению этого Центра.

Китай, Япония, Республика Корея и страны АСЕАН активно включились в разработку и в непосредственное участие в программах регионального развития, включая реализацию инфраструктурных проектов. Перед Россией стоит задача поиска адекватного ответа этим региональным вызовам.

На протяжении многих лет тихоокеанские соседи упрекали Россию за то, что ее членство в АТЭС обосновывается почти исключительно фактором географического положения, отмечая при этом низкие показатели вовлеченности нашей страны в торгово-инвестиционные процессы в регионе. Ограниченность регионального экономического присутствия России и сегодня остается непреодоленной. Тем не менее, на индонезийском саммите Россия имела все основания указать на реальный прогресс в наращивании экономического сотрудничества с региональными партнерами, ссылаясь на созданные в последние годы добывающие мощности в энергетике и соответствующую инфраструктуру, позволяющие существенно расширить экспорт нефти, СПГ, электроэнергии, а также оборудования для АЭС на тихоокеанские рынки. При этом заявлены планы по продолжению развития энергетического комплекса на российском Дальнем Востоке в качестве интегрированного звена тихоокеанской экономики. Под эти же углом зрения рассматривается российским руководством развитие транспортной инфраструктуры (Транссиб, БАМ, обустройство Северного морского пути и дальневосточного портового хозяйства). Очерченные российские программы и готовность интернационализировать реализацию намеченных планов нуждаются в увязке с региональными приоритетами членов АТЭС.

Вместе с тем, во-первых, масштаб и структура российского экономического присутствия в регионе все еще ограничены, а во-вторых, предстоит трудная задача по удержанию проявленного на саммите всплеска ситуационного интереса к России и перевода его в прагматичную заинтересованность.

Между тем в ближайшей перспективе России предстоит ответить на новые вызовы, проистекающие из перспектив формирования нового, более интегрированного транстихоокеанского пространства, а именно:

- сбалансировать программы развития Сибири и Дальнего Востока с интеграционными процессами в регионе;

- сбалансировать отраслевое развитие дальневосточного экономического района (энергетику, транспорт, добывающую и перерабатывающую промышленность, сельское хозяйство, туризм);

- преодолеть дисбаланс в инновационной кооперации со странами АТЭС; в связи с этим в практическом плане рассмотреть возможность инициирования региональной программы научно-технического обеспечения инновационного развития стран АТЭС, которая бы подразумевала создание научно-инновационных

узлов (R&D hubs), обеспечивающих функционирование интегрированных в международную сеть региональных научных и образовательных институтов;

- сбалансировать гуманитарное и культурное сотрудничество с государствами региона;

- сбалансировать участие в институтах, обеспечивающих региональное сотрудничество;

- принимая активное участие в деятельности наиболее широких и представительных региональных организационных площадок (АТЭС, ВАС), параллельно искать возможность участия в многостороннем сотрудничестве на субрегиональном уровне, прежде всего в Северо-Восточной Азии в формате Китай – Япония – Республика Корея.

Российская Федерация, обладая всеми правами полноправного члена АТЭС, во многих отношениях все еще слабо включена в деятельность региональных институтов и недостаточно использует потенциал АТЭС.

Вплоть до кризиса в отношениях России со странами Евросоюза и США из-за событий на Украине в 2013-14 гг., вопреки многим декларациям, отечественная политическая элита на практике недооценивала необходимость использовать расширение партнерства с тихоокеанскими государствами для модернизации российской экономики. Примечательно, что на совещании в Хабаровске в июле 2010 г., посвященном анализу положения дел на российском Дальнем Востоке, тогдашний президент Д.А. Медведев выразил недоумение по поводу того, что планы укрепления потенциала дальневосточных субъектов федерации оценивались министерством регионального развития РФ без учета внешнего фактора.² Поэтому проведение форума АТЭС во Владивостоке в 2012 г. и российско-китайский саммит в Пекине в 2014 г. стали важными факторами не только с точки зрения доведения до тихоокеанских партнеров важнейших приоритетов России и ее взглядов на перспективы сотрудничества в рамках данной организации, но и для привлечения дополнительного внимания внутрироссийских управленческих звеньев разного уровня, государственного и частного бизнеса, неправительственных организаций к процессам, протекающим в самом динамично развивающемся районе мира, для перелома существующего дисбаланса развития внешнеэкономических связей России в сторону отношений со странами ЕС.

В связи с этим свою актуальность сохраняет стратегическая задача поиска возможностей, связанных с долгосрочным и комплексным развитием торгово-экономических связей с тихоокеанскими государствами, в том числе за счет выравнивания регионального правового поля и укрепления региональных институтов, действующих в рамках АТЭС.

Наконец, дальнейшее развитие отношений России с АТЭС будет зависеть от увязки сбалансированного решения вопросов собственно экономической кооперации с проблемами обеспечения «экологичного» роста, с инновациями в сфере энергетики, транспорта на базе совершенствования ИТ, что, в целом, совпадает с задачами, стоящими перед российской экономикой. В этом же контексте необходимо рассматривать проблему сбалансированности социального и культурного аспектов инновационного развития. В конечном итоге, усилия, которые предстоит

² См.: <http://президент.рф/выступления/8234>

предпринять для преодоления всех упомянутых дисбалансов, определяют вектор реализации российских интересов в рамках деятельности АТЭС и ее органов.

Арктический контекст безопасности Тихоокеанской Азии

Е.О. Лабецкая¹

Пространственный подход

Четко просматривающаяся тенденция формирования в Арктике *транснационального политического пространства (ТНП)*, в том числе и за счет все большей вовлеченности в него азиатского сообщества, сегодня позволяют ставить вопрос о «арктическом ракурсе» безопасности Тихоокеанской Азии. По аналогии с трансатлантическим (*Trans-Atlantic*) и транстихоокеанским (*Trans-Pacific*) пространством назовем его трансарктическим (*Trans-Arctic*) пространством, или Трансарктикой.

Препарирование развивающихся в Арктике процессов через призму «транснационализации» закономерно. Ведь очевидно, что наиважнейшие региональные проблемы и вызовы (глобальное изменение климата, защита окружающей среды, борьба с техногенными катастрофами и стихийными бедствиями, поиск и спасение на море) эффективно решаются сегодня лишь сообща. Причем зачастую не только силами арктических акторов, но и с привлечением потенциала (финансового и технологического) «внерегionalов», в частности из Тихоокеанской Азии.

Впрочем, хотя феномены глобализации, регионализации, транснационализации, других разновидностей пространственных отношений – достаточно распространенные объекты современного политического анализа, как правомерно подметила И.Л. Прохоренко, «концепту пространства вплоть до последнего времени не уделяли должного внимания при исследовании политико-институциональных изменений, в результате чего он оказался неотрефлексированным».²

Концептуализация политического пространства Арктики (Трансарктики) – пожалуй, как никакого иного, – неизбежно сталкивается с дуализмом материального и виртуального. Принимая политическое пространство как эффективный концепт при изучении такого недостаточно упорядоченного транснационального макрорегиона, как Арктика, автор не отказывается от географических параметров Трансарктики и рассматривает их как естественные рамки проводимого прикладного исследования.

Процессы интернационализации Арктики, ее бурное экономическое и инфраструктурное развитие, влекущее к себе международный бизнес и беспокоящее экологов, обуславливают закономерную озабоченность политологов. В минувшем году в России прошла серия международных встреч, посвященных процессам в высоких широтах. Это, прежде всего, III Международный форум «Арктика – территория диалога» в Салехарде, международная конференция

¹ Лабецкая Екатерина Олеговна, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН.

² Прохоренко И.Л. О методологических проблемах анализа современных политических пространств. Полис. Политические исследования, 2012, no. 6, с. 69.

“Арктическое судоходство и освоение шельфа: пути решения проблем безопасности и защиты окружающей среды” в Санкт-Петербурге, XI Генеральная ассамблея Северного Форума в Москве. В Москве также прошла международная конференция “Арктика: регион развития и сотрудничества”, а в Санкт-Петербурге – научно-практическая конференция “Обеспечение национальных интересов России в Арктике: проблемы и перспективы”. В начале августа 2014 г. в Нарьян-Маре (Ненецкий АО) прошла IV Международная встреча высоких представителей государств-членов и стран-наблюдателей Арктического Совета (в том числе из Тихоокеанской Азии) – ключевой арктической организации. В центре внимания были вопросы комплексной индустриализации циркумполярного пространства. В сентябре 2014 года в Архангельске аспекты безопасности обсуждались на международной арктической конференции “Проблемы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктике, включая вопросы подготовки профильных кадров для работы в северных условиях”.

Напомним, в Салехарде президент России В.В. Путин констатировал особую роль арктического региона: “Здесь сконцентрированы большие интересы – и экономические, и политические, и гуманитарные. Крайне важно объединять усилия для эффективной работы в этом регионе мира и в нашем регионе”.³ Вновь эта тема в контексте безопасности прозвучала из уст Президента РФ на X Всероссийском молодежном форуме “Селигер-2014”. В.В. Путин, говоря о планах возрождения в Арктике всей российской инфраструктуры (военной и МЧС), акцентировал в том числе необходимость обеспечения безопасности прохождения конвоев из судов и торговых путей. При этом он отменил бытующие за рубежом конфронтационные домыслы, уточнив: “...Мы будем действовать исключительно в рамках международного права. Там (в Арктике – Е.Л.) много интересов других государств. Мы будем учитывать эти интересы и добиваться приемлемых компромиссов – безусловно, отстаивая свои собственные интересы”⁴.

Механизмы сотрудничества

Под Трансарктикой (*Trans-Arctic*) понимается вся имеющаяся в циркумполярном мире совокупность международных установлений.⁵ Однако для стран Тихоокеанской Азии в плане возможностей углубления их вовлеченности в Трансарктику, в том числе через взаимодействие с Россией, приоритетное значение имеют **Арктический Совет** и **Северный форум**.

³ Выступление Президента РФ В.В. Путина на пленарном заседании III Международного арктического форума «Арктика – территория диалога». <http://kremlin.ru/transcripts/19281#sel=27:12,27:31;33:1,33:31>

⁴ Выступление Президента РФ В.В. Путина на 10-й Всероссийском молодежном форуме «Селигер-2014». <http://www.kremlin.ru/transcripts/46507#sel=58:1,71:107> (accessed 30.08.2014)

⁵ Арктический Совет, Совет Баренцева/Евроарктического региона, Совет государств Балтийского моря, Совет министров северных стран, Программа “Северного измерения”, ставшая платформой равноправного и многоуровневого взаимодействия отдельных регионов РФ с ЕС и странами Севера, структуры ООН, а также национальные ведомства, ориентированные на Арктику (причем, как “арктической восьмерки”, так и акторов-“внерегионалов”). В упомянутый массив входят/входили неправительственные международные организации, основополагающие международные Конвенции, Программа “Глобального партнерства” G8 (в части утилизации АПЛ российского Северного флота и охраны окружающей среды), российско-американо-норвежская программа “Арктическое военно-экологическое сотрудничество” (*Arctic Military Environmental Cooperation, AMEC*).

Де-факто транснациональный тренд развития Арктики оказывается в прокрустовом ложе предпочтений “приарктической пятерки” А5 (Дании/Гренландии, Норвегии, России, США и Канады). Именно А5 является лидером неформального “арктического правительства” – Арктического совета⁶. (АС) Соответственно, “намерение России делать всё, чтобы Арктика на практике стала территорией партнёрства, сотрудничества и диалога и государств, и самой широкой общественности” реализуется в русле международно-правовых реалий ответственного управления Арктикой, заложенных А5 в Илулисатскую декларацию 2008 года.

Констатируя в документе, что “в силу своего суверенитета, суверенных прав и юрисдикции над обширными районами Северного Ледовитого океана пять прибрежных государств находятся в уникальном положении для решения” всех возможностей и вызовов, связанных с климатически-экологическими реалиями современной Арктики, А5 проинформировала остальных акторов Трансарктики об отсутствии “необходимости в разработке нового всеобъемлющего международного правового режима для управления Северным Ледовитым океаном” и, соответственно, о принятии на себя обязательства “следить за событиями в Северном Ледовитом океане и продолжить принимать соответствующие меры”.⁷

Усилению тенденции превращения АС в “арктическое правительство” способствовали принятые им транснациональные акты. Первым таковым можно считать подписанное А8 в 2011 г. юридически обязывающее Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасении в Арктике. Документ закрепил за неформальными лидерами АС – А5 – индивидуальную зону спасательно-поисковой ответственности в рамках их исторических “секторальных” юрисдикций. В 2013 г. АС пополнил юридическую базу Трансарктики Соглашением по реагированию на разливы нефти, принятом на заседании глав внешнеполитических ведомств государств-членов АС в шведском городке Кируна.

По этой линии идет сотрудничество национальных структур, но возможно формирование в этих сферах и коллективных структур на разных международных уровнях. К примеру, на базе уже действующих шести рабочих групп АС⁸. В плане участия в работе этих групп “внерегионалов”, в том числе из Тихоокеанской Азии, существенен тот момент, что руководство групп формируется исключительно из представителей профильных госучреждений государств-членов и Постоянных

⁶ АС учрежден в 1996 г. в мировом Заполярье “арктической восьмеркой”(А8) – Данией, Исландией, Канадой, Норвегией, Россией, США, Финляндией, Швецией – в целях регулирования охраны окружающей среды и обеспечения устойчивого развития. С созданием Постоянного секретариата АС в норвежском городке Тромсё, расширением в нем числа наблюдателей - “внерегионалов” и, соответственно, объектов регулирования, с приданием решениям АС обязательного характера усиливается тенденция превращения Совета в некое “арктическое правительство”.

⁷ The Ilulissat Declaration. Arctic Ocean Conference, Ilulissat, Greenland, 27 – 29 May 2008, 2p. Available at: [http://www.oceanlaw.org/downloads/arctic/Ilulissat Declaration.pdf](http://www.oceanlaw.org/downloads/arctic/Ilulissat%20Declaration.pdf) (accessed 07 February 2014).

⁸ Группы по устранению загрязнения Арктики (*Arctic Contaminants Action Program*), по реализации Программы арктического мониторинга (*Arctic Monitoring and Assessment Programme, AMAP*), по защите арктической морской среды (*Protection of the Marine Environment, PAME*), по сохранению арктической флоры и фауны (*Conservation of Arctic Flora and Fauna, CAFF*), по устойчивому развитию в Арктике (*Sustainable Development Working Group, SDWG*), по предупреждению, готовности и ликвидации чрезвычайных ситуаций (*The Emergency Prevention, Preparedness and Response Working Group, EPPR*).

участников АС. Возможности же обладателей статуса наблюдателя ограничиваются присутствием на заседаниях групп и участием в конкретных проектах без права голоса. Принятие на основе консенсуса решений – исключительная компетенция А8.⁹ То есть в рамках АС реально действует **принцип иерархичности**, ибо он де-факто заложен в Положение о статусе наблюдателя АС.

Статус наблюдателя предоставляется на четыре года с возможностью последующего продления (при необходимости отзыва). Наблюдателям **вменяется в обязанность признание суверенитета и суверенных прав А8 – учредителей АС**. Регламент АС гласит: “Наблюдатели могут выступать с проектными предложениями через Арктическое государство или Постоянного участника, но финансовый вклад наблюдателей в любой проект не может превышать финансирование от Арктических государств, если только СДЛ (старшие должностные лица – Е.Л.) АС не решили иначе”. “На заседаниях вспомогательных органов Совета, к участию в которых приглашены наблюдатели, наблюдатели могут, по усмотрению Председателя, выступать с заявлениями после Арктических государств и Постоянных участников, предоставлять письменные заявления, документы, имеющие отношение к делу, и высказывать свои точки зрения по поводу обсуждаемых вопросов. Наблюдатели могут также представлять письменные заявления на Министерских сессиях”¹⁰.

Таким образом, Россия, как учредитель АС и единственное евразийское государство в А5, идя на партнерство в Арктике с наблюдателями АС из Тихоокеанской Азии, способна расширить их вовлеченность в дела не только евразийского, но и циркумполярного мира.

Учитывая вышеупомянутую “привязку” наблюдателей к арктическим государствам, “внерегионалы” не могут игнорировать национальные стратегии А5, включая утвержденную 20 февраля 2013 г. “Стратегию развития Арктической зоны РФ (АЗРФ) и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г.”¹¹

Реализация этого документа предполагается в два периода — до 2015 года и завершающий этап до 2020г. В разделе российской Стратегии, посвященном международному сотрудничеству и сохранению Арктики как зоны мира, транснациональную проекцию имеют вопросы логистики. Они предусматривают содействие в организации и эффективном использовании транзитных и кросс-полярных воздушных маршрутов в Арктике, использование Северного морского пути для международного судоходства в рамках юрисдикции РФ и в соответствии с ее международными договорами.

В современном международном контексте принципиальное значение имеют положения Стратегии, касающиеся завершения гидрографических работ (обеспечения международно-правового оформления внешней границы континентального шельфа РФ в Северном Ледовитом океане). Особое место в документе отводится задаче недопущения пространственных потерь и худших по сравнению с другими прибрежными арктическими государствами правовых условий деятельности РФ в Арктике, а также созданию комплексной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры для предоставления сервисов госорганам,

⁹ Официальный сайт Арктического совета. Available at: <http://www.arctic-council.org/index.php/ru/about-us/working-groups> (accessed 22.09.2014).

¹⁰ Ibid., Available at: <http://www.arctic-council.org/index.php/ru/about-us/arctic-council/observers> (accessed 22/09/2014).

¹¹ Сайт Правительства РФ. Available at: <http://archive.government.ru/docs/22846> .

физическим и юридическим лицам; развитию системы аварийно-спасательной готовности, включая создание комплексных аварийно-спасательных центров; разработке единой национальной системы мониторинга состояния и загрязнения окружающей среды АЗРФ, синхронизированной с аналогичными международными системами; реализации мер по обеспечению экологической безопасности в АЗРФ, включая приоритетные проекты по ликвидации экологических последствий прошлой хозяйственной и иной деятельности, а также по реабилитации арктических морей от радиационно опасных объектов.¹²

В апреле 2014 года реализации арктической стратегии России был дан новый импульс. На специальном расширенном заседании Совбеза РФ «О реализации государственной политики РФ в Арктике в интересах национальной безопасности» Президент России В.В. Путин, **выводя в разряд стратегических приоритетов арктические интересы России**, поставил цель «качественно усилить» российские позиции в Арктике, четко и последовательно «выдерживать этот вектор в государственной политике, в нашем стратегическом планировании»¹³. В разряд приоритетов выдвинута задача «не отставать от партнёров, сохранять российское влияние в регионе, а где-то и опережать наших партнёров». В этом контексте наращивается арктическая группировка России, делается акцент на транспортно-логистическую, энергетическую, торгово-экономическую и экологическую безопасность, что опосредованно влияет и на соответствующие аспекты безопасности российских партнеров по Тихоокеанской Азии.

Транснационализация Арктики: точки бифуркации

Процесс становления Трансарктики как системы динамической, по большому счету неупорядоченной, характеризуется рядом точек бифуркации¹⁴, под которыми понимаются качественные изменения данного пространства. Причем этим точкам бифуркации, как и следует из теории динамических систем, свойственны и неопределенность, и относительная кратковременность. Наиболее ёмкое политологическое определение точки бифуркации как момента смены вектора предшествующего пространственного развития, принадлежит Н.А. Косолапову¹⁵.

Из ничего ничто не происходит, как говорили древние: "Ex nihilo nihil fit" (*лат.*). Представляется, что начало метаморфозы арктических пространств в Трансарктику приходится на 20-е годы прошлого века. Именно качественный рывок научно-технического прогресса дал толчок превращению «Белого безмолвия» (как образно называл Арктику Джек Лондон) в Трансарктику, за господство в которой развернулась борьба прежде всего «приарктических государств». До этого же, в отсутствие условий для промышленного использования арктических ресурсов, международный интерес к Арктике был минимален. Так, еще в 1909 г. на победную реляцию американского полярника Роберта Пери президенту США Уильяму Говарду

¹² Ibid.

¹³ Сайт Президента РФ. Available at: <http://news.kremlin.ru/news/20845>.

¹⁴ Бифуркация – (лат. Bifurcus – «раздвоенный») в широком смысле термин обозначает метаморфозы объектов в силу изменения определяющих их параметров.

¹⁵ Косолапов Н.А. Пространства глобального мира и его международные регионы./ Транснациональные политические пространства: явление и практика . Отв. ред. Стрежнева М.В., М., Весь Мир, 2011. с.23.

Тафту о том, что он достиг Северного полюса, который “теперь в его распоряжении”, глава Белого дома не без сарказма отозвался, что “затрудняется найти применение для этого интересного и щедрого дара”¹⁶.

Проблему бифуркации транснационализации северных полярных пространств в отечественной научной литературе практически впервые затронул А.В. Сабанин. В 1928 г. в предисловии к монографии В.Л. Лахтина “Права на северные, полярные пространства” он, в частности, отмечал, что если в начале XX века с позиций международного права полярные пространства воспринимались как нечто абстрактное, то уже в 20-е годы под влиянием технического прогресса (развития радио и авиации) “вопрос о правовом режиме полярных пространств” получил совершенно новое освещение. Уже тогда А.В. Сабанин предрек, что “наши северные далекие окраины — это не только ледяное холодное, безлюдное пространство, а местности, которым в будущем, в свете грандиозных достижений техники, суждено играть своеобразную, но существеннейшую роль в политике и экономике”¹⁷.

И действительно, ситуация менялась стремительно и кардинально. В новой точке бифуркации зафиксирована не только гонка по прокладке трансарктических авиатрасс, но и создание наземной, а порою и “нальдинной” арктической инфраструктуры — полярных станций в проекции этих авиамаршрутов. Причем суверенитет национальных арктических пространств нередко нарушался, возникали противоречия между “регионалами” и “внерегиналами”. Все это дало импульс не только развитию международно-правового регулирования этих пространств, но и **пересмотру военных программ, вовлеченных в этот процесс акторов.**

Стоит отметить, что именно в этот период “трансарктический вектор” проявился и в Тихоокеанской Азии. Геополитическое положение Японии, на тот момент мощнейшей региональной островной державы, толкало ее к завоеванию себе “достойного места” в уже поделенном мире, к обеспечению безопасности своих северных интересов¹⁸. Этим обуславливалось и воздвижение японцами на островах Курильской гряды множества гранитных обелисков с высеченными надписями: “Курильские острова – ключ к господству Японии в северных морях” или “Курильские острова – ворота на север”¹⁹.

Японские военно-стратегические представления в контексте Трансарктики резко изменились под влиянием легендарного трансарктического перелета Северного полюса на полужестком дирижабле “Норвегия”, совершенного итальянцем Умберто Нобиле, норвежцами Рийсер-Ларсеном и Амундсенем. Страна Восходящего солнца ринулась покупать аналогичные дирижабли. Японская пресса с волнением отмечала “серьезное значение для национальной обороны Японии того положения, которое создано в результате успешного полета Нобиле, и вытекающей из этого успеха возможности связать оба полушария через Северный полюс”. Встревоженные наблюдением “усердия, проявляемого Соединенными Штатами в деле исследования Северного полюса”, японские СМИ запестрели

¹⁶ Available at: <http://www.ex-jure.ru/freelaw/news.php?newsid=955> (accessed 09.02. 2014).

¹⁷ См. А.В. Сабанин. Предисловие к монографии // В.Л. Лахтин. Права на северные, полярные пространства. / М.: Литиздат Народного Комиссариата по Иностранным Дела, 1928. <http://www.ex-jure.ru/freelaw/news.php?newsid=955> (accessed 09.02.14).

¹⁸ Подробнее см. Лабеецкая Е.О. Китай в глобальном и региональном пространстве // Геополитика: теория и практика: сб.ст. под ред. Э.А. Позднякова; ИМЭМО РАН. – М.: ИМЭМО РАН, 1993. – сс.214-235.

¹⁹ Финал / Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 году.// Под ред. Маршалла Советского Союза Р.Я. Малиновского. – М.: изд. “Наука”, с. 229.

призывами к немедленному принятию мер по развитию в Японии авиации и воздухоплавания²⁰.

Начало XX века ознаменовалось и освоением арктических морских трасс. Если Руалю Амундсену удалось преодолеть морем Северо-Западный проход,²¹ в конце концов, за 1903-1906 гг., то первая советская сквозная навигация через Севморпуть впервые была осуществлена за один год экспедицией Отто Шмидта на ледоколе "Александр Сибиряков" в 1932 г. Однако в полной мере геополитическая значимость трансарктических морских коммуникаций проявилась в годы Второй мировой войны. Тогда в Арктике развернулись подводные баталии за провод в арктические порты сражавшегося Советского Союза северных конвоев союзников с поставками по ленд-лизу. Первоначально конвои шли с запада на восток из Исландии и Шотландии, а затем с востока на запад из США и Канады через Севморпуть. Трансарктическая водная артерия использовалась и для переброски американской военной техники Советскому Союзу для ускорения начала Дальневосточной военной кампании 1945 г. против милитаристской Японии.

В эпоху "холодной войны" арктический регион превратился уже и в сферу военно-стратегического, высокотехнологичного биполярного противостояния. Но беспрецедентную гонку вооружений в Арктике обуславливал не только идеологический фактор. В конце XX века новый виток научно-технического прогресса открыл грандиозные перспективы промышленного освоения Трансарктики.

Уже на пороге XXI века появились прогнозы, утверждающие, что здесь сосредоточены десятая часть мировых запасов нефти и четвертая часть запасов газа, а также колоссальные запасы биоресурсов, необходимых для обеспечения ныне чрезвычайно актуальной мировой продовольственной безопасности.²² На фоне новых витков научно-технического прогресса и климатических изменений в арктическом макрорегионе значимость Трансарктики для глобальной экономики стала общепризнанной. Открылся новый рынок для высокоточных технологий в сфере добычи углеводородов, обеспечения экологической и транспортно-логистической безопасности. Именно в этот период интерес к процессу транснационализации Арктики охватил практически всех ведущих акторов Тихоокеанской Азии.

Новой точкой бифуркации можно считать усиление в XXI веке дискуссии относительно необходимости изменения международно-правовых реалий Трансарктики. В этом контексте бурные дебаты идут вокруг перспектив всеобъемлющего Договора об Арктике, по аналогии с Договором об Антарктике 1959 года. На наш взгляд, в Трансарктике на данный момент и на ближайшую перспективу отсутствуют предпосылки для подобного правового режима. К тому же не стоит забывать, что подписанный 1 декабря 1959 г. и вступивший в силу 23 июня 1961 г. Договор об Антарктике был разработан для существенно иных политических реалий. В частности, в документе проработаны вопросы демилитаризации Антарктики, использования региона в исключительно мирных целях, превращения его в зону, свободную от ядерного оружия. К тому же в 1991 г. в дополнение к договору было

²⁰ В.Л. Лахтин. Права.... <http://www.ex-jure.ru/freelaw/news.php?newsid=955> .

²¹ Северо-Западный проход (Northwest Passage) — морская трасса через Северный Ледовитый океан вдоль арктического берега Северной Америки через Канадский Арктический архипелаг. Соединяет Атлантический и Тихий океаны.

²² Rowe E.W., Blakkisrud. A New Kind of Arctic Power? Russia's Policy Discourses and Diplomatic Practices in the Circumpolar North. *Geopolitics*, 2014, 19:1, pp.66-85. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/14650045.2013.789863> (accessed 14 March 2014).

заключено соглашение, запрещающее на 50 лет промышленное использование ресурсов Антарктики. Такие аналогии явно неприемлемы для всех акторов Арктики, независимо от их региональной принадлежности. Ибо в первую очередь именно мощная ресурсная база Арктики влечет сегодня “внерегionalов” покорять высокие широты, а “регионалов” – защищать свои национальные интересы всеми средствами, включая передовые военные технологии.

В свете этого очевидно, что в XXI веке становится очевидной насущная необходимость строительства трансарктической архитектуры безопасности и сотрудничества.

Трансарктические перспективы Тихоокеанской Азии

Как уже отмечалось, в 2013 году Китай, Индия, Япония, Южная Корея и Сингапур добились статуса наблюдателя в АС. Однако реальное присутствие этих “внерегionalов” в циркумполярном мире, если не считать ведущиеся ими полярные научные исследования, с 1990-х годов осуществляется через активную деятельность их провинций в Северном форуме (СФ). Примечательно, что идея создания учрежденного в 1991 году СФ зародилась в 1974 году в Японии на I Конференции по среде обитания в северных регионах (г. Саппоро, Хоккайдо). СФ – неправительственная международная организация губернаторов северных субъектов государств, в том числе ведущих азиатских стран. Помимо российских субъектов (Республика Саха/Якутия, Чукотский А.О. и восстанавливающий свое членство Камчатский край), Азия представлена в СФ провинциями Кангвон-до (Южная Корея), Хейлунцзян (КНР), Дорнод (Монголия) и префектурой Хоккайдо (Япония). В далекие 1970-е годы вряд ли кто-то предполагал, что вовлеченность этих субнациональных акторов стран Северо-Восточной Азии в транснационализацию циркумполярной зоны окажется существенно глубже, нежели участие соответствующих государств.

Стоит отметить, что СФ позиционирует себя как субрегиональный аналог АС. Под его эгидой формируются зачатки циркумполярной (трансграничной) интеграции в виде учреждения международных структур коренных народов Заполярья, развития сетевых университетов, продвижения межкультурного диалога, единой экономической политики, мер по охране окружающей среды и природопользования. Получивший в 1992 г. аккредитацию в ООН, СФ стал стратегическим партнером Глобального экологического форума. Он также сотрудничает с Программой ООН по окружающей среде (*United Nations Environment Programme, UNEP*) и Программой развития ООН (*United Nations Development Programme, UNDP*), тесно взаимодействует с рабочими группами АС. Весьма перспективен совместный проект АС и СФ по созданию Международного бизнес-форума АС. О широте возможностей, открывающихся для стран Тихоокеанской Азии, представленных в СФ, свидетельствуют его масштабные проекты: “Северный морской путь”, “Восточно-Западные и циркумполярные авиалинии”, “Управление дикой природы”, “Управление людскими ресурсами”, “Мониторинг окружающей среды”, “Создание Банка реконструкции и развития Арктики”, “Академия наук Северного Форума”, Ассоциация северных университетов.

В высоких широтах вызревают условия для интеграционных процессов как на субнациональном уровне циркумполярного мира, так и на межгосударственном, межправительственном уровне под эгидой АС. В Арктике есть место и узким

диалоговым международным форматам. В силу объективных геополитических и геоэкономических преимуществ России, благодаря ее эксклюзивному евразийскому и циркумполярному местоположению расширяются возможности вовлечения в трансарктическое пространство и ее тихоокеанских партнеров.

Как известно, конфигурация баланса сил в АТР давно трансформировалась из жестко биполярного в полицентричный.²³ Но арктический фактор способен стать не только “мультипликатором” потенциала ведущих азиатских государств, влияющим на выстраивание новой конфигурации полицентричной иерархии АТР, но и катализатором **глобальной проекции силы** азиатских “внерегионалов”, прежде всего КНР. Ведь в стратегической перспективе арктическому макрорегиону предназначена роль важного центра международной политики, где пересекаются глобальные интересы ведущих мировых акторов, в том числе из Тихоокеанской Азии. Будущее этого транснационального политического пространства видится как **основное звено глобального сопряжения трансатлантического и транстихоокеанского пространств.**

Значение транснационализации тающих и ледовых просторов Арктики столь велико, что напрашивается парафраз известного тезиса Хэлфорда Маккиндера (Mackinder H.J.) “Кто владеет Хартлендом - тот владеет мировым островом, кто владеет мировым островом - тот владеет миром”. Ныне актуальна иная формулировка: “Кто владеет трансарктическими артериями – тот владеет миром”. Неудивительно, что именно вокруг Севморпути и Северо-Западного прохода разворачиваются острые политико-правовые споры.

Арктическое побережье России может стать той скрепой Евразии, которая позволит реализовать высказанную Президентом В.В. Путиным на последнем саммите Россия-Евросоюз в январе 2014 г. идею создания единого евразийского экономического пространства от Лиссабона до Владивостока. Идея зависла в условиях санкционной антироссийской политики Евросоюза. Но именно трансарктическая опора России, расширяющей свое евразийское партнерство в условиях санкционной политики Запада, **для азиатских партнеров России** является **серьезный шанс упрочить свои позиции в Евразии и Трансарктике** как через участие в энергетических проектах российской Арктики, так и через участие в формировании мощной логистической системы на просторах РФ. Ключевые ее элементы – соединение канадского хаба Черчилля в Гудзоновом заливе, работающего для Североамериканской зоны свободной торговли (NAFTA), с российским хабом в Мурманске, ориентированным на Европу. Подключение к этому “Арктическому мосту” создающихся хабов Западной Сибири и Дальнего Востока с опорой на БАМ, Транссиб и речную транспортную систему Сибири, в перспективе формирует солидную логистическую структуру Евразии.

Контуры трансарктической архитектуры безопасности и соразвития

Сегодня уже очевидно, что Трансарктика нуждается в новой концепции управления Арктикой и в новой архитектуре безопасности. Формирование

²³ Подробнее см. Лабецкая Е.О. Становление нового баланса сил в Азиатско-тихоокеанском регионе // Баланс сил в мировой политике: теория и практика / Сб. ст. под ред. Позднякова Э.А.; ИМЭМО РАН. – М.: ИМЭМО РАН, 1993. – сс. 158-175.

Трансарктики – это мощный вызов экспертному сообществу и политическому истеблишменту не только А5, прежде всего России, но и всех серьезных акторов Тихоокеанской Азии, активизировавшихся на просторах высоких широт.

С одной стороны, государства А5 не могут поступиться своими национальными интересами, пойти на сужение своих прав и полномочий в зонах, на которые распространяется их суверенитет и юрисдикция. Апелляции к необходимости беспрекословного следования нормам Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, которые все чаще раздаются со стороны “внерегионалов”, в том числе из Тихоокеанской Азии и наднациональных структур (ЕС, НАТО), зачастую имеют своей целью ограничить возможности “регионалов” в этом морском регионе. Причем в первую очередь они затрагивают интересы России как крупнейшей арктической державы.

С другой стороны, формирование нового глобального режима управления в Арктике может рассматриваться и как шанс для усиления лидерства России в этом полярном районе. Ранее упомянутая модель с заложенным в нее потенциалом трансарктического моста, соединяющего Трансатлантику с Транстихоокеанским сообществом через Севморпуть, Северо-Западный проход и логистические хабы Канады и российской Сибири, очевидно, получила бы поддержку таких мощных арктических акторов “внерегионалов”, являющихся стратегическими партнерами России, как Китай и Индия. Наряду с этим концепция “несет определённые риски, ибо требует пересмотра всей сложившейся политико-правовой модели управления Арктикой, но при этом социально-экономические и политико-репутационные дивиденды России от его реализации могут быть предельно высоки”.²⁴

Стоит напомнить, что изначально вопросы безопасности были выведены за рамки деятельности АС. Однако в условиях глобализации, сопровождающейся императивом институционализации коллективного противодействия новым вызовам и угрозам в Арктике (наркобизнес, международный терроризм, пиратство, техногенные и стихийные катаклизмы), эти вопросы постепенно, но неизбежно расширят первоначальную повестку дня АС, заставят двигаться к обеспечению безопасности в традиционном смысле.

Это актуализирует проблему разработки экспертным сообществом акторов Трансарктики контуров новой архитектуры безопасности и сотрудничества в циркумполярном мире. Назовем ее ТАБС (Трансарктическая архитектура безопасности и сотрудничества) – по аналогии с ТТБС (концепцией Транстихоокеанской безопасности и соразвития), разрабатываемой в ИМЭМО РАН²⁵.

Предпочтительной теоретической основой для ТАБС могла бы стать предлагаемая экспертами ИМЭМО РАН²⁶ концепция “иерархической полицентричности и недестабилизирующего неравенства”, противопоставляемая многополярности и равенству. Ведь по существу реалии Трансарктики уже базируются на “иерархической” системе, свойственной АС. Как уже отмечалось выше, функционирование его механизмов – своеобразное воплощение идеи

²⁴ Лабеецкая Е.О. “Конституция морей”: pro & contra. Мировая экономика и международные отношения, 2014, № 9, сс.121-128.

²⁵ Формирование новой системы транстихоокеанской безопасности и сотрудничества. Научный доклад / Отв. ред. – В.В. Михеев, В.К. Швыдко. – М.: ИМЭМО РАН, 2013. – 74с.

²⁶ Дынкин А.А., Иванова Н.И. отв. ред. Глобальная перестройка. Москва, Весь Мир, 2014. 528 с.

“полицентричной иерархичности”. Ибо в этой структуре решения принимаются на основе консенсуса лишь основных региональных акторов – (А8) с привлечением постоянных участников.²⁷ При этом неформальными лидерами по-прежнему остается все же А5.

Соответственно, оптимальным вариантом реализации ТАБС для А5 является подгонка его принципов под интересы А5 – “иерархов” этого ТНП. Вместе с тем, вряд ли с “неравенством” в Трансарктике захотят долго мириться повышающие свой глобальный рейтинг акторы из Тихоокеанской Азии. Уже сейчас в поисках альтернативы они приветствовали инициированный Исландией проект «Арктический круг». Будучи членом А8, но ее “слабейшим звеном”, Исландия сделала ставку на партнерство с мощными внерегионалами из Тихоокеанской Азии – Индии и Китая. “Круг” обещает быть широким. В прошлом году президент Исландии Олавур Рагнар Гримссон уже пообещал: “Наша Арктика станет глобальной”²⁸.

С усилением тенденций транснационализации Арктики Арктическому Совету для сохранения своей ведущей регулирующей роли в Трансарктике, видимо, все же придется самореформироваться с учетом реального веса и уровня ответственности действующих в этом макрорегионе государств-акторов.

Транснационализация Арктики – процесс объективный, и не в национальных интересах России абстрагироваться от него, замыкаясь в “секторальном прошлом” российской Арктики. Необходимо использовать открывающиеся возможности глобализирующегося мира для развития своей циркумполярной зоны, упрочения глобальной проекции силы и обеспечения лидерства России как “основного акционера» Трансарктики. Россия способна сыграть особую роль в формировании трансарктической комплексной безопасности, в том числе за счет взаимодействия с “внерегионалами” из Тихоокеанской Азии. Российский фактор может содействовать и снижению остроты вызовов глобальной продовольственной, экономической, энергетической и транспортно-логистической безопасности.

²⁷ Право принятия решений наряду с правительствами стран-учредителей предоставлено шести организациям коренных народов Арктики: Циркумполярной конференции инуитов, Международной ассоциации алеутов, Совету саамов, Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, Арктическому совету атабасканов, Международному совету гвичинов.

²⁸ Ирене Квайле, Михаил Бушуев. Арктика становится одной из центральных тем большой политики / Deutsche Welle, Германия, 17.05.2013. Available at: <http://inosmi.ru/world/20130517/209077361.html#ixzz3EM1WEbUw>.